

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

АРТУА.
ДВОРЕЦ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

Владимир Корн

Дворец для любимой

Серия «Артуа», книга 5

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5317893

Артуа. Дворец для любимой: Фантастический роман: Альфа-книга;

Москва; 2013

ISBN 978-5-9922-1383-6

Аннотация

Десять лет жизни в новом мире пролетели как один миг. За этот срок Артур достиг всего, чего только можно достичь. Красавица-жена любима и любит, подрастают дети, отлично идут дела... Что еще нужно для счастья?

И вдруг война. Война неожиданная, с противником, объединившим сильнейшую в этом мире армию и флот. Самое время ответить на вопрос: все ли ты сделал, человек, прибывший из мира, опередившего в своем развитии местный на несколько столетий, для того, чтобы враг был разбит? Только учти: есть и более страшный враг. И он находится за твоей спиной, готовый неожиданно нанести удар по самому дорогому, что у тебя есть. Знать бы еще, кто он именно.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	49
Глава 5	72
Глава 6	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Владимир Корн

Дворец для любимой

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Я задумался, пытаюсь найти ответ на неразрешимый вопрос: почему денег не хватает всегда, сколько бы их ни было?

Ладно еще в своем мире... Помню, когда я приехал по распределению в незнакомый город, вынужден был несколько дней питаться соленой селедкой, луком и чаем без сахара. Ну тогда хотя бы понятно – ни средств, ни знакомых. А сейчас-то какая причина?

Казалось бы, денег куры клевать не должны. И производство налажено, и вложения в банковское дело наконец-то начали давать неплохой доход. Страховая компания, Торговый дом, все, все приносило довольно хорошую прибыль. Так почему я не могу найти несчастных сто тысяч золотых имперских крон для того, чтобы запустить в Монтенере новый металлургический завод? А он нужен как воздух, и даже больше, потому что имеющихся двух заводов уже не хватает, а закупать металл у других выходит дороговато.

И откуда мне их выдернуть, недостающие деньги? Они везде нужны, к примеру, на той же верфи, где вот-вот должен сойти со стапелей первый корабль с железным корпусом. Он обошелся мне в такую сумму, что в моем мире на такие деньги можно было бы запустить в космос пару орбитальных станций. И ведь не факт, что имперские военно-морские силы купят корабль, даже если я попытаюсь впарить его в по-

ловину себестоимости. Да, он будет значительно быстроходней своих деревянных собратьев. Да, вражеским ядрам не под силу пробить его борта. Да, сам он имеет такое вооружение, что хоть в одиночку против целого флота биться выходит. Причем с того расстояния, откуда он будет поражать своих врагов, те даже достать его не смогут. Но и цена-то у него какова! Чуть ли не целый флот можно построить.

А кавалерийская бригада, совершенно по-новому экипированная и обученная новой тактике... У нее все другое, начиная от походных передвижных кухонь на конной тяге, клинков, по качеству металла близких к булатным и прозванных в моем мире за цвет стали «селедками», обмундирования, обогнавшего свое время расцветкой, удобством и практичностью по меньшей мере лет на триста, и заканчивая чудищами весом почти в полтора центнера, что лупят очередями.

Накладно содержать ее, очень накладно. И скорей бы уж решился вопрос о передаче бригады в имперскую армию на правах отдельного формирования, подчиняющегося непосредственно мне. То есть кормят и поят бригаду из имперской казны, а команду я.

Бригаду пришлось создать, чтобы не на пальцах объяснять Военному департаменту, какой именно я вижу имперскую армию в будущем. Создавать на свои деньги, чтобы никакая сволочь не вякала, что я, пользуясь особым расположением императрицы, запускаю руки в казну для воплоще-

ния в жизнь своих прожектов.

А центр подготовки этих чертовых имперских ниндзя в Доренсе? Там их и пары сотен человек не будет, денег же на них идет чуть ли не как на содержание кавалерийской бригады численностью в сто раз больше. С другой стороны, кавалерийская бригада и сборище доренсийских диверсантов почти равны по эффективности. Нет, Доренс я армии ни за что не отдам, пусть своих таких парней готовят. Поговаривают, что даже «дикие» опасаются с ними связываться. Ну а мы чего добивались?

Стенборо – так вообще сплошное разорение. О чем я только думал, когда его создавал? Такое впечатление, что все эти ученые – механики, химики, оптики, металлурги – питаются исключительно благородным металлом, едят золото и на завтрак, и на обед, и на ужин. Не исключено, что и по ночам пару раз просыпаются, чтобы подкрепиться. Нет, толк от них, конечно, огромный, вот только бы расходов поменьше, а? И ведь не сократишь финансирование, иначе придется какой-нибудь проект приостанавливать, а все работы там исключительно важные.

А еще открытые мною при имперском университете два новых факультета – горный и металлургический... Они тоже требовали расходов.

Горестные размышления были прерваны. В открывшиеся двери вошли дети. Мои дети – Яна, Конрад и Алекс. Им всем недавно исполнилось шесть лет – они в один день роди-

лись. Опять из-под надзора воспитателей сбежали. Инициатором и идейным вдохновителем побега конечно же являлся Конрад, всегда так происходит. Алекс немножко другой, его больше всего ответы на вопросы интересуют. А вопросов у него... Яночка же просто солнышко, моя любимица, хотя я и старательно держу это в себе.

Яна привычно залезла ко мне на колени, Алекс принялся рассматривать гравюры в лежавшей на столе книге, а вот за Конрадом нужен глаз да глаз. Хотя и стоит он, делая вид, что его крайне заинтересовала картина с изображением морской битвы – память о моем недолгом правлении Скардаром, но я-то его знаю... В кабинете собрана неплохая коллекция оружия, как огнестрельного, так и холодного, и вот она-то и притягивает Конрада как магнит. В коллекции некоторые экземпляры весят не меньше его самого, так что не приведи господи – не догляжу.

– Папа, а почему ты почти старенький, а мама нет?

У Яны голосок звонкий, как колокольчик. Какой же я старый, мне до сорока еще о-го-го! Больше года. Просто разница в возрасте у нас с твоей мамой почти шестнадцать лет. Это, конечно, если по земному времени считать, в этом мире год длиннее, но и в таком случае немало получается.

Может быть, отказать в кредите Военному департаменту? Но он берет у меня кредит, чтобы у меня же и приобрести очередную партию нарезных капсюльных винтовок. Берет в моем банке, а покупает с моего склада.

– Попроси маму, и она тебе другого папу найдет, молодого, – ляпнул я в ответ, думая о своем и пытаюсь найти выход из теперешней ситуации.

Дети, переглянувшись, ушли. Я встал из-за стола и подошел к окну.

«Выход должен быть, просто сейчас я его не вижу, – размышлял я, глядя на раскинувшийся внизу сад. – Эх, плюнуть бы на все, собрать своих людей и махнуть куда-нибудь. Например, на север, к Тотонхорну. Если и есть где раздолье, так именно в его степях. Да и давно я у него не был, года три точно».

Я улыбнулся, вспомнив, что при каждой нашей встрече он спрашивает у меня: «Мериться не передумал?»

Нет, отказывать в кредите Военному департаменту – это не выход. Необходимо решать вопрос по-другому. Взять деньги в кредит в чужом банке? Тоже не вариант, сразу по всей Империи поползут слухи, что дела у меня идут не очень. Как же, имея свой банк, входящий в тройку самых крупных, занимает деньги на стороне. И правда, хоть в государственную казну лезь.

Дверь в кабинет отворилась снова. Любимая. Да не одна, за ней гуськом шли наши дети, почему-то все трое с заплаканными глазами.

Что-то случилось? Так, если судить по выражению лица Яны, я опять в чем-то виноват. Но какая же она у меня красивая!.. Даже сейчас, когда вся во гневе. Ничего, есть у ме-

ня отличный способ, проверенный в деле. Стоит только поднять Яну на руки и немного покружить... И все, она сразу забывает, что была на меня за что-то зла, и начинает лепетать, прижавшись к груди. Только это самый страшный имперский секрет, потому что ну мало ли, вдруг и еще кто-то покружит.

– Вы что это себе позволяете, господин де Койн?

Ну, если на «вы», да еще по фамилии, дело серьезное. Как же она сейчас прекрасна, с гневным блеском в глазах, разругавшимися щечками, и... и, как говорят в романах, «с бурно вздымающейся грудью». А если еще учесть, что платье на ней отнюдь не с закрытым воротом...

Получалось так красиво, что я даже залюбовался, совершенно позабыв, зачем она сюда пришла.

– Дорогая... – начал я, разглядывая Янианну. Так, как бы к ней приблизиться до расстояния вытянутых рук? Ведь она сама прекрасно знает о своей слабости и легко ускользнет. Мне даже иной раз становилось непонятно, как это у нее получается, занятия танцами сказываются, что ли? Да еще эти служанки, столпившиеся в дверях.

– Дети, – сказала Янианна, по-прежнему глядя на меня отнюдь не влюбленными глазами, – нам с отцом нужно серьезно поговорить.

Так, одна проблема устранена – дети вместе со служанками покинули кабинет, и дверь за ними закрылась. Теперь попытаться приблизиться. Сейчас!

Легкое па, очень похожее на танцевальное, и между нами снова прежнее расстояние, кроме того, кресло.

– Что ты сказал детям? – Голос Янианны все еще не выражал радости от нашей незапланированной встречи в середине рабочего дня.

Так, а что я им сказал? Убей не помню.

– У меня была встреча с фер Ночиа, когда в гостиную ворвались дети. «Мама, – плакали они, – нам не нужен другой папа!» Так что ты им сказал?

Янианна немного успокоилась, и мне удалось сократить дистанцию на целых полметра.

Фер Ночиа – посол Империи в Монтарно. Он еще молод, имеет весьма представительную внешность, так нравящуюся женщинам, и можно сделать ответный ход:

– Дорогая, а тебе не кажется, что ты слишком часто с ним встречаешься?

Пока Яна возмущенно хлопала глазами, я сократил дистанцию еще на метр.

– Да как ты смеешь?!

По-моему, я немного переборщил. Ну ничего, мне осталось сделать всего один шаг.

С Янианной после моего возвращения из Скардара мы ссорились раза два-три, не больше. Не так чтобы очень сильно, и все время на почве воспитания детей.

Например, ей не нравилось, что маленькая Яна любит сидеть у меня на коленях. Мол, в ее детстве такого не было,

и вообще, почему я забываю, что у меня не просто дочь, а принцесса. Ах вот как!

– Прежде всего, она моя дочь! – заявил я. – И уж не потому ли ты сама так любишь сидеть у меня на коленях, что когда-то в детстве была этого лишена.

Я успел. Подхватив Янианну на руки, я закружил ее по кабинету. И уже в тот момент, когда я почувствовал, что она расслабилась, и оставались сушие пустяки до того, как можно было сделать примирение окончательным, двери кабинета без стука открылись. Появившийся в них человек прерывающимся голосом сказал:

– Ваше величество – война!

Глава 1

Выбор

Граф Анри Коллайн имел весьма бледный вид, и я это прекрасно понимал. Было с чего. Всего двумя месяцами ранее он в этом же кабинете уверял меня, что знает все, что творится в окружающем мире, начиная с того, что сказал король Монтарно в приватной беседе с послом Лаверны, и заканчивая перечнем любимых блюд дворцового садовника Индо-рийского герцогства. Я ему верил, и для этого имелись все основания.

Когда-то давным-давно, чуть ли не десять лет назад, состоялся у нас с Анри душевный разговор, во время которого мне удалось убедить его, что самое ценное в этом да и во всех остальных мирах (тогда я сделал оговорку: если они существуют) – информация. В то время у нас за душой практически ничего и не имелось, так, по коню да шпаге, если не считать немалых амбиций. Нет, лгу, были у меня уже и поместье в Стенборо, и дом в столице, пусть и не самый огромный, который сейчас Прошка занимает со своим семейством. Опять обманываю, не Прошка, а барон Проухв Сейн со своей женой, баронессой Мириам Сейн, успевшие наплодить аж четверых детей.

Во время того нашего с Коллайном разговора я и выложил

ему свои планы – создать империю внутри Империи. Анри мне поверил, хотя особых причин для его веры и не имелось. Так вот, место ему в моих прожектах было предложено то же, что он занимает и поныне: сбор информации и предоставление основанных на ней выводов и прогнозов. Ну и еще по мелочам: моя личная безопасность, безопасность моих проектов и все остальное в том же духе.

Правда, со временем как-то само собой получилось, что все мои личные интересы плотно переплелись с интересами Империи, благодаря конечно же Янианне, так что отсутствием всевозможных проблем и различных забот Коллайн похвастать никак не мог. Но и подняться за это время Анри успел довольно значительно. Ныне он граф, обладатель неплохого состояния и весьма высокой репутации в самом высоком обществе. Закоренелый холостяк и бабник, пару лет назад он таки женился на давней своей пассии, графине Лиоле Бекнер, и мы с Янианной присутствовали на их свадьбе.

До вчерашнего дня Коллайн чуть ли не ежедневно доказывал, что я в нем не ошибся, открыв в Анри те качества, что Бог не дал самому: аналитический склад ума, талант добывать необходимую информацию и способность делать долгосрочные прогнозы. А еще находить нужных людей, при необходимости склоняя их к сотрудничеству. Методы при этом он использовал самые разные, но сама специфика его работы никогда не подразумевала чистоплюйства. И вот надо же

так проколоться.

Помню, однажды Коллайн появился ко мне в весьма взбодраженном состоянии и прямо с порога заявил:

– Я их нашел.

Видя недоумение на моем лице (насколько я знал, мы ничего и не теряли, да и не слышал я от него, чтобы он кого-либо разыскивал), он сразу пояснил:

– Артуа, я все-таки нашел бумаги Варона Кройта.

Да, отлично помню, был такой человек, банкир, опутавший долгами чуть ли не половину столичной аристократии. Живи он сейчас, я даже смог бы назвать его коллегой, ведь теперь и у меня имеется свой банк. Но не сложилось, после первого же нашего с ним разговора у бедняги не выдержало сердце. Наверное, от угрызений совести, ведь он похитил меня по дороге в императорский дворец, куда я направлялся, чтобы увидеться с Яной.

Варон Кройт был далеко не самым приятным человеком, даже мерзавцем, но в уме ему отказать никак нельзя. И не потому, что он смог подняться с самых низов до очень значимой в масштабах всей Империи фигуры, пусть и теневой: Кройт не хуже нас с Анри понимал, что информация – это все.

После смерти Кройта прошло добрых три года, и, как оказалось, Анри все не прекращал поиски его архива. Причем даже ни разу не обмолвился о своих поисках. Мы здорово им поиграли, секретным архивом Кройта, прямо как на рынке

ценных бумаг, и на повышение, и на понижение. Не в прямом смысле, конечно, но векселя помогли решить несколько очень важных вопросов. Действовали мы, кстати, через подставных лиц, которых тоже нашел Коллайн. Нет, мы не требовали обналичить векселя, но для того, чтобы некоторые из должников Кройта вдруг переменили мнение по тому или иному вопросу, иногда хватало угрозы дать ход долговому обязательству.

Часть векселей мы просто вернули. Вернули тем людям, что залезли в долги под гнетом непреодолимых обстоятельств, никак не связанных с карточными играми или покупками бриллиантовых колец своим фавориткам, – делать добрые дела всегда приятно. Еще мы организовали с помощью векселей благотворительный бал, где господа, якобы принося пожертвования на сиротские дома и ночлежки для бедноты, на самом деле выкупали свои долговые расписки, пусть и не всегда по номиналу.

Все по-честному, деньги действительно ушли туда, куда и предназначались, – на сиротские дома, но энтузиазм жертвователей был весьма похвален.

Часть бумаг в коллекции Варона не являлись долговыми обязательствами имперской знати. Среди них хватало и документов совсем другого плана – убойного компромата.

Покопавшись в них с полчаса, я решительно отодвинул бумаги от себя: извини, Анри, это тоже часть твоей работы, а мне с лихвой хватит и того, что я успел увидеть.

Да уж, о некоторых особах, упоминавшихся в бумагах, я никогда бы не подумал того, о чем прочитал в документах. Даже появилось ощущение, что руки, трогавшие эти листы, стали грязными, и я долго их мыл, стараясь избавиться от наваждения. Тех документов, что мы отложили на потом, чтобы в нужный момент извлечь в качестве далеко не самого слабого козыря, и сейчас оставалось немалое количество.

Но кое-чем пришлось сразу же поделиться с человеком, возглавляющим Тайную стражу и занимающимся и разведкой, и контрразведкой Империи, – графом Кенгрифом Стоком. Документы, переданные ему, тоже могли оказаться убийными козырями в подходящий момент, но... Тайная жизнь, скелеты в шкафу и долги людей, попавших в поле зрения покойного банкира, – это одно, а безопасность Империи – совершенно другое, и тут уже не до личной выгоды.

Впрочем, выгода нашлась и здесь. Коллайн, пользуясь моим покровительством, перед тем как передать документы графу, в свою очередь потребовал у него кое-какую информацию. Нет, не о зарубежной агентуре Стока и даже не о собранном им лично компромате, но выгода все же нашлась.

После передачи бумаг Стоку началось такое... Некоторые люди, оказавшиеся причастными, называя вещи своим именами, к предательству родины, занимали довольно высокие посты. По понятным причинам затевать всеимперский скандал было нельзя, но и оставлять изменников на прежних местах – тоже. Кроме того, существовала и сложность с Яниан-

ной: пусть она и императрица, но еще и женщина, и уж кому как не мне было об этом хорошо известно. А у женщин довольно длинный язычок, и несколько не вовремя сказанных лишних слов могли поставить под угрозу все затеянное дело. Но и держать императрицу в неведении тоже нельзя.

Кроме того, необходимо было проследить за тем, чтобы Сток, воспользовавшись ситуацией, не выдвинул на освобожденные посты своих людей. Как выяснилось, наше беспокойство оказалось напрасным, граф не стал в подобной ситуации искать личной выгоды.

В конце концов все проблемы удалось решить тихо и ровно. И я даже укорил себя в том, что счел Янианну болтушкой.

С тех самых пор у Коллайна и Стока сложились отличнейшие отношения.

И вот, всего пару месяцев назад Анри хвастался мне, что знает не меньше Кенгрифа Стока. В общем-то да, финансирование ведомства Коллайна всегда занимало далеко не самую последнюю строку в расходах, а золото – такая вещь, за которую можно купить почти все.

«Ну и как это событие прошло для тебя незамеченным? – думал я, глядя на Коллайна. – Ведь шли переговоры, причем, нисколько не сомневаюсь, длились они не один месяц. Тайные переговоры должны были оставить след в виде переписки и разговоров. Ну ничего, Анри, иногда судьба специально больно щелкает нас по носу, желая, чтобы мы не слишком возгордились собой».

Если нападения Трабона мы ждали, ждали последние несколько лет, всячески его оттягивая, то союз Трабона с Абдальярмом стал для всех полной неожиданностью. Трабон, западный сосед Империи, без объявления войны перешел границу и занял часть провинции Тосвер. На территорию провинции он претендовал давно, даже нашел документы, подтверждающие право на них, впрочем не имеющие силы и не являющиеся подлинными. Интерес Трабона к Тосверу понятен, провинция являлась чуть ли не основной житницей Империи, а Трабону катастрофически не хватало плодородных земель. Вернее, не то чтобы совсем не хватало, просто их нужно было отвоевывать у леса, коего на территории королевства хватало с избытком. Ну и король Готом решил пойти, по его мнению, по пути наименьшего сопротивления. Подумаешь, война, лучше рубить головы, чем деревья. Тем более с самого начала своего воцарения на трабонском троне он только тем и занимался, что воевал, и воевал всегда успешно.

И если с Трабоном все более-менее понятно, то какого дьявола понадобилось в Империи Абдальяру? После победы Скардара в морской войне с Изнердом, в которой и мне пришлось принять посильное участие, Абдальяр, и до того обладавший могучим флотом, перестал иметь соперников на море. И что ему дает участие в войне на стороне Трабона?

Так вот, одновременно с нападением Трабона Абдальяр высадил десант на противоположном краю Империи, захва-

тив город-порт Дижонт.

Дижонт – городишко небольшой даже по местным меркам, всего тысяч двадцать населения. Соответственно и гарнизон крохотный. Расположен порт на восточной границе Империи. За ним начинаются степи, где живут кронты – кочевники, с которыми я когда-то успел познакомиться. Промышленности в Дижонте нет никакой, он, скорее, форпост Империи на границе с беспокойными соседями. Так что даже не представляю, какой у Абдальяра интерес в войне, а это очень важно. Но факт оставался фактом – захват Абдальяром Дижонта означал не что иное, как объявление войны.

О Трабоне известно почти все: у короля Готома около двухсот тысяч солдат и примерно шестьсот пушек. Ну и его знаменитая личная гвардия, численностью в десять тысяч штыков, помимо четырех полков тяжелой кавалерии.

Наши войска примерно равны по численности, разве что кавалерии у противника несколько больше. При правильном ведении войны – ничего страшного. Но полководцы Готома прошли уже не одну войну, приобретя нужный опыт, да и войска закалены в боях. А имперская армия давно уже не воевала.

Наверное, правы были те, кто, видя неизбежность войны с Трабоном, утверждали, что нужно нанести удар первыми, ведь тогда не возникло бы такой ситуации, как война на два фронта.

И если с десантом Абдальяра все не так страшно – сколь-

ко их там уместилось на кораблях, то объединенная эскадра Абдальяра и Трабона может парализовать прибрежное судоходство, и имперскому флоту с этим не справиться.

Весь наш флот сосредоточен в Гроугенте, самом большом морском порту Империи, и от него до столицы всего три дня пути. Гроугент – мощная крепость, способная выдержать многомесячную осаду, так что с этой стороны особой угрозы нет.

Я придвинул к себе подборку документов, что принес мне Анри.

Так, столица Абдальяра – Абдальяр, ну надо же! Население... экономика... состав и численность армии... состав и численность флота... И все примерно, примерно, примерно. Да кто же мог знать, что Абдальяр, расположенный черт-те где, за семью морями, будет с нами воевать?

Ну и теперь самое главное, куда направиться мне? В Гроугент или в город Сверендер, центр провинции Тосвер? В принципе прямых столкновений с флотом Абдальяра пока не происходило, корабли просто держались на виду, не провоцируя. И сколько так будет тянуться? В конце концов, даже в том случае, если Империя совсем лишится флота, это еще не конец войне.

«В Сверендер, – решил я. – Не оставаться же в столице в ожидании фронтовых сводок. Да и бригаду давно пора испытать в деле».

Существовала и еще одна причина отправиться на запад

Империи, о которой знал только Анри Коллайн, – сын. Мой сын от первой возлюбленной в этом мире, Аниаты. Когда уезжал из Дертогена, она мне не сказала, что ждет ребенка, о сыне я узнал не так давно и опять не от нее. Узнав о нем, я попросил Коллайна передать Аниате крупную сумму денег и организовать все так, чтобы ни она, ни кто-либо другой даже не догадывался, от кого именно эти деньги. Кроме того, Коллайн должен был намекнуть тамошним властям, что есть очень влиятельное лицо в столице Империи, Дрондере, которое живо интересуется всем, что касается Аниаты, и очень желает, чтобы никто ей жизнь не усложнял, а во все даже наоборот. Сейчас Арниону должно было быть около девяти лет.

«Когда Арнион подрастет, перетяну в столицу, дам образование, помогу встать на ноги... – думал я еще не так давно. – В общем, приму участие в его судьбе».

Теперь ждать не стоило, войска Готомы оккупировали территорию, на которой находился Дертоген. Именно туда я и попал, когда очутился в этом мире. Даже фамилию «Койн» взял по названию побережья, лишь «де» прибавил, видимо не наигравшись в детстве в мушкетеров.

– Прощка! – заорал я, тут же себя одернув. Какой он, к черту, теперь Прощка, давно уже господин барон. В который раз я оплошал. Пора бы и привыкнуть. – Нет, господин Коллайн, ваше место здесь, в столице, – заявил я, видя выражение глаз Анри. – Понимаете ли в чем дело, ваша светлость,

воинов у меня и без вас хватает, а вот человека вашего ума мне уже не сыскать.

В дверях показался Прошка со шпагой на боку и в раззолоченной одежде человека, входящего в свиту такой значительной персоны, как я.

«Ничего, Проухв, как из столицы выедем, так сразу и переоденемся. Вот только куда же тебя так прет, ты же еще шире стал? Надо Мириам отругать, иначе и коня под тебя подобрать скоро будет невозможно».

Глава 2

«Кавалергарда век недолог...»

Чтобы преодолеть расстояние от столицы до Варентера, местечка близ Сверендера, нам понадобилось почти две недели. По местным меркам – немного, слишком уж велико расстояние. Только имперская почта преодолевала этот путь быстрее.

А вот когда я сам совершал путешествие из окрестностей Сверендера в столицу (это было через полгода после моего появления в тогда еще незнакомом для меня мире), дорога заняла больше месяца. Но тогда все было по-другому, и я даже радовался каждому лишнему дню пути.

Когда трясешься целыми днями в седле, времени на раздумья достаточно. Конечно, предаваться размышления в карете комфортней, но, судя по тому, что ездить верхом в ближайшее время предстоит немало, нужно втягиваться. А то, видишь ли, разбаловался в последнее время, все в карете да в карете, еще и в сопровождении эскорта. Мигалок только не хватает.

Думы были одни: достаточно ли я успел сделать за те шесть лет, что прошли после моего возвращения из Скардара, успел именно в военном аспекте. Как будто бы и без дела не сидел, но именно сейчас казалось, что больше не успел,

чем сделал. В сроки, установленные самому себе на перевооружение имперской армии, я не укладывался, и на то было много причин и препятствий. Сейчас я раздумывал, действительно ли они все являлись непреодолимыми.

Слишком уж затянулся первый из трех этапов плана, по которому следовало взять на вооружение пули нового образца. А ведь ничего сложного в этом не было. Как известно, основной проблемой гладкоствольных ружей является прорыв газов между пулей и стенками ствола. Из-за прорыва часть энергии, получаемой во время сгорания пороха, пропадет зря. И, как следствие, гладкоствольные ружья бьют недалеко и неточно. Полностью проблему можно устранить, сделав стволы ружей нарезными и снабдив солдат пулями, известными в моем мире по имени их создателя – Минье. На первый взгляд, все довольно просто. Но это только на первый. А вот если вникнуть, получается совсем другая картина.

Единого стандарта нет, и четыре фабрики, производящие ружья в Империи, делают калибры стволов так, как им самим заблагорассудится. Кроме того, несколько раз крупные партии ружей закупались за рубежом.

Сами солдаты никаких неудобств от того, что у кого-то ружье одного калибра, а у кого-то – другого, не испытывали: порох, он и есть порох, кремни – тоже, а пулю из свинца солдат отливает себе сам, всегда так было.

С этого и начали. В очередной полк приезжала передвижная ремонтная бригада, снабженная необходимыми бумага-

ми от Военного департамента. Да и не требовались бумаги, все и так уже были в курсе и даже ждали с нетерпением. И начиналось.

Поначалу производилась выбраковка оружия.

– Вот эти ружья ни к черту, даже делать с ними ничего не будем, вот для этих имеем уже готовые пулелейки, только нужно немного подогнать их под конкретные ружья. Пуля, господа, новая пуля. Видите, она необычного вида, не круглая, как вы привыкли, а продолговатой формы, еще и с углублением в донышке. Порох при выстреле ее чуть расширит, и мы избежим того, о чем вы, господа офицеры, и сами знаете – прорыва газов, пусть и не полностью. Объясните солдатам пока на словах, а когда они начнут стрелять, заметят разницу сами, ее невозможно не увидеть.

Теперь, господа, ружья, что отложены нами в сторону. С ними предстоит более сложная операция – в их стволах появятся нарезы. Пулелейки к ним будут особые: форма пули другая. Ими вооружите самых метких солдат – застрельщиков. А чтобы было наглядно, давайте возьмем уже готовый экземпляр и немного постреляем по мишени. Впечатляет? Ну а как вы хотели?

Так, дело дошло и до вашего личного оружия. В ваших пистолетах тоже появятся нарезы, ну и пулелейки новые получите, куда же без них.

Но хотим еще раз напомнить о новом указе ее величества, в котором говорится о дуэлях. Напомнить, что в том слу-

чае, если дуэль будет на усовершенствованных пистолетах, то господам офицерам просто опалой уже не отделаться. Следует немедленное разжалование в солдаты, и то только в самом благоприятном случае. А можно и дворянского звания лишиться. Так что вы уж по старинке, пожалуйста. Потому что такое оружие – для того, чтобы убивать им врагов Империи, а не ее граждан.

Ну и наконец, подпишите, пожалуйста, вот эти документы. В них указано число переданных вам пулелеек, а также количество нарезанных стволов. Ружейных и пистолетных отдельно. Это важно, ведь Военный департамент производит оплату именно по ним.

Кстати, господа. У нас в наличии имеются еще и пистолетные замки нового типа, которым не требуются кремни. Эта штука, что используется вместо них, называется по имени своего создателя – капсомом.

Пока мы их устанавливаем только за отдельную плату. Но согласитесь снова, насколько удобней пользоваться оружием именно с таким замком. И осечек практически нет, и сберечь капсюли от сырости достаточно просто.

Да-да, в войска в самом скором времени будет поступать оружие с уже нарезными стволами и с капсюльными замками. Вернее, оно уже поступает, но пока только в отдельные части.

И слухи тоже верны. Действительно, существует оружие, где патрон представляет собой единое целое и заряжается он

с казенной части. Нет, купить его пока невозможно. Но это вопрос времени, через несколько лет оно тоже начнет поступать в войска. За сим разрешите откланяться, нас ждут другие полки.

Примерно таким образом мы и начинали модернизацию оружия имперской армии...

Очередная остановка на ночлег пришлась на постоянный двор при въезде в Велент. Как много с ним у меня связано, с этим в общем-то небольшим городком... Милана, моя первая любовь в этом мире, да и первая моя дуэль состоялась здесь же. В Веленте же я повстречался с Фредом фер Груенуа.

Нет, мы были знакомы задолго до этого, но тогда он помог мне избавиться от многих проблем, связанных с местной знатью. Удивительно, но и в дальнейшем не раз получалось, что он встречался на моем пути как нельзя вовремя. Я даже однажды пошутил по этому поводу, на что Фред мне ответил: при самой первой нашей встрече мне удалось помочь ему самому, так что он лишь пытается расплатиться по долгам. Шутил, конечно.

Кстати, Фред фер Груенуа, неисправимый сердцеед, в чем они очень были схожи с Анри Коллайном, женился тоже, взяв в жены одну из фрейлин Янианны. Сколько он ни брыкался, заявляя, что еще достаточно молод, чтобы связывать себя узами брака, но, видимо, в этот раз нашла коса на ка-

мень.

И снова день в седле, когда дорожную скуку можно скрасить только воспоминаниями.

Со временем мне удалось приобрести одну из оружейных фабрик, расширить ее, модернизировать и начать выпуск уже настоящих винтовок, пусть и однозарядных. Но все остальное... Нарезы, унитарный патрон, скользящий затвор, дальность и кучность боя... И оставалось только наладить массовый выпуск.

Параллельно на фабрике выпускались капсюльные дульнозарядные нарезные винтовки, их производство далось значительно легче, и два полка гвардии были уже перевооружены.

А уж в Стенборо ограниченным числом производилось оружие следующего поколения: магазинные винтовки и револьверы. Их изготовление оказалось связано с немалыми технологическими трудностями и было практически штучным. Но центр подготовки воинов-теней в Доренсе я таким оружием обеспечил. Там вообще собиралось все самое лучшее.

Последний раз мы вместе с Коллайном посетили Доренс с полгода назад. Так, внеплановая проверка с целью обнаружения нарушений, чтобы затем наказать невиновных и поощрить непричастных.

Нагрянуть внезапно нам не удалось. Но если бы получилось, можно было бы смело всех разогнать, а сам центр за-

крыть: что же это за диверсанты, если их можно застать врасплох?

Встретил нас барон Эрих Горднер, бессменно возглавляющий школу чуть ли не с самого момента ее основания. «Вот уж кого время не берет», — думал я, глядя на него. Эрих выглядел так же, как и много лет назад, во время нашей первой встречи, разве что чуть прибавилось седины.

Лучшего наставника для школы мне по всей Империи было не сыскать. Если уж Горднер из такой, можно сказать, беспотлочи, как я, человека сделал, то не стоит даже беспокоиться о людях, собранных нами поштучно. Шутка, конечно, но в каждой шутке...

Когда-то, еще до того, как я получил титул барона и звание дворянина, мне посчастливилось послужить под его началом, правда, весьма недолго. Тогда у него был свой отряд для особых поручений под высоким покровительством до сих пор неизвестных мне людей. Так что опыта Горднеру было не занимать. Пусть и большую часть работы ему приходилось выполнять внутри страны, но находились и такие задачи, когда он выезжал далеко за ее пределы. Причем действовал он всегда на свой страх и риск, поскольку его покровители непременно отказались бы от него, сделав удивленное выражение лица: кто таков, первый раз о таком слышу. Затем он попал в крайне неприятную историю, и мне удалось вытащить его чуть ли не из петли палача.

Горднера я знал как великолепного фехтовальщика, и с

тех пор, как судьба свела нас вновь, мне всегда хотелось схватиться с ним в учебном бою, ведь и сам я ушел за это время далеко вперед.

Но Эрих был важен совсем не как мастер фехтования, нет. У него удивительным образом получалось из обыкновенных воинов делать бойцов.

Что же касается самого центра в Доренсе...

Если в Стенборо пытались переманить со всей Империи талантливых ученых, изобретателей, механиков, то здесь тоже старались собрать таланты, но уже в другом деле – в воинском. Некоторые «одаренные личности» сами не подозревали, что у них есть такое призвание, до тех пор, пока не попали сюда и им не объяснили, что к чему. И учителя подобрались один к одному. Какой дисциплины ни коснись – уникум. Что в фехтовании, что в стрельбе, что в верховой езде, что в маскировке. Среди инструкторов был даже один широко известный по всей Империи специалист по вскрытию замков. Ему предстояло провести ближайшие лет пятнадцать на каменоломне или руднике, но нам удалось обменять его на немалую сумму золотом.

А вот минно-взрывное дело пришлось создавать практически с нуля. Что и немудрено, ведь до появления динамита нужды в нем почти и не было. В этой области я мало чем мог помочь, поскольку не обладал даже зачатками необходимых знаний. Но справились и без меня...

Показательные выступления питомцев Доренса впечатли-

ли нас обоих. Меня в меньшей степени, поскольку я здесь — довольно частый гость, а Коллайна даже поразило, хотя и ему приходилось иметь с ними дело, пусть и не в стенах школы. Время от времени мы задействовали ниндзя в довольно щекотливых ситуациях, а один раз они умудрились умыкнуть человека прямо из-под носа начальника Тайной стражи Кенгрифа Стока и его людей.

Коллайну нужна была информация, а после того, как тот человек очутился бы в лапах имперской охраны, добыть ее оказалось бы значительно сложнее. После случившегося Сток явно начал что-то подозревать, но вопросов от него я так и не дождался.

Но приехали мы в Доренс не только для того, чтобы посмотреть. Мы тоже могли кое-чему научить тамошних «воспитанников», особенно Коллайн. Анри всегда боготворил огнестрельное оружие, а после того как у него появились револьверы, Коллайн творил с ними просто чудеса. Вот и на этот раз он продемонстрировал такую технику стрельбы с обеих рук, что открывать рот пришлось уже не нам. Я же просто стоял в стороне, всем своим видом показывая, что нет предела совершенству.

После того как несколько человек безуспешно попытались повторить увиденное, я заявил, что тот человек, которому это удастся, получит в подарок револьвер работы самого оружейного мастера Гобелли (из таких как раз и стрелял господин граф Коллайн). А что, неплохой стимул, я даже денег не

пожалее, хотя револьверы Гобелли ох как дороги.

Далее нас ждал неплохой ужин в компании Горднера и остальных инструкторов. Девушки, обслуживающие нас, были такими миленькими, что я с подозрением посмотрел на Эриха: не решил ли он устроить из Центра подготовки диверсантов и снайперов элитный бордель? Но у того даже ус не дрогнул...

Чем меньше оставалось до Сверендера, тем больше проявлялись признаки близкой войны: колонны солдат, повозки с ранеными, цены на продукты...

И главное – выражение лиц. Оно менялось у встреченных нами по дороге людей. Если в окрестностях Дрондера война была лишь темой для разговоров, то ближе к фронту лица становились все более тревожными: дойдет, не дойдет? И уж совсем другими были лица беженцев и раненых, людей, которых война уже коснулась.

Сверендер мы пролетели, не останавливаясь. До Варентера оставалось полдня пути. Варентер – это не населенный пункт, как можно предположить. Так называется широкая долина, через которую протекает река Варент. С северной стороны долины начинаются отроги Энейских гор, а с южной Варентер упирается в тянущиеся на много лиг и густо поросшие камышами плавни.

Место для генерального сражения выбиралось командующим имперскими войсками герцогом Ониойским с тем расчетом, чтобы нельзя было обойти с флангов. По крайней ме-

ре, с южной стороны совершить обход становилось невозможным. Я помнил эту местность по своему первому путешествию в столицу, и именно здесь мне удалось установить, меряя шагами расстояние от одного придорожного столба до следующего, что местная лига равна почти двум километрам.

Варент – речушка неглубокая, и только на время сезона дождей так сильно выходит из берегов, что вброд ее перейти невозможно. Но до дождей еще больше месяца, так что надежды на то, что она станет препятствием для короля Готомы, нет никакой.

Его сиятельство герцог Ониойский, командующий имперскими войсками, устроился в огромном шатре. Герцог являлся родственником Янианны, пусть и не самым близким. И он был одним из тех немногих влиятельных людей в Империи, которые поддерживали Яну. Так что в том случае, если сражение герцогом будет проиграно, трон под императрицей зашатается основательно. Родственники герцога, а следовательно, и Янианны, были и в командовании военно-морским флотом, но там сложилась несколько иная ситуация. Все-таки имперский флот никогда не считался в этом мире могучим, так что в случае его разгрома никто бы в общем-то сильно и не удивился. Конечно, тому же Трабону мы могли бы противостоять, но сейчас, когда в войну вступил еще и Абдальяр, наши шансы одержать победу на море стали почти нулевыми.

Я, сопровождаемый бароном Проухвом Сейном и командиром прибывшей вместе со мной кавалерийской бригады графом Антонио фер Дисса, вошел в шатер. На миг задержавшись у входа, поприветствовал собравшихся на совещание офицеров и прошел к столу, занимавшему большую часть шатра.

Практически все здесь присутствующие были мне хорошо знакомы. С самим герцогом мы не раз общались, обсуждая предлагаемые мною новые образцы вооружения. Еще в шатре были граф фер Стянуа и граф Анри Дьубен, вместе с которыми мы защищали Кайденское ущелье.

«Так, господа, – думал я, обводя всех взглядом, – если вы считаете, что я заявился, чтобы, прикрываясь именем императрицы, учить вас ведению войн, вы глубоко заблуждаетесь. Нет, такого не будет».

А вот то, что я привел с собой почти две тысячи прекрасно обученных и великолепно вооруженных солдат, может в нужный момент сильно повлиять на ситуацию, сложившуюся в ходе сражения. Необходимо только сразу оповестить о том, чтобы герцог не строил на их счет никаких планов. Если уж до сих пор не решен вопрос о передаче бригады в регулярную армию Империи, в сложившейся ситуации в этом вообще нет никакого смысла. Это мои люди, и пусть они ими и останутся. Рассуждая цинично, неизвестно, как именно закончится сражение. Весьма вероятно, что и полным разгромом имперских войск. И тогда бригада мне будет очень нуж-

на. Если, конечно, что-нибудь от нее останется, потому что стоять и смотреть на бой со стороны мы не будем. Наша задача – попытаться сыграть роль джокера, спрятанного до поры до времени в рукаве.

Такая возможность имелась. Вооружены мои люди действительно весьма неплохо. Помимо сабель очень и очень хорошего качества каждый имеет нарезной карабин с затвором. Плохо лишь то, что магазинных карабинов на всех не больше сотни. Туго пока с ними дело идет, технологии только налаживаются. Но у всех офицеров есть револьверы, того же калибра, что и карабины, – миллиметров десять-одиннадцать.

Я не стал оригинальничать, обратившись с решением этого вопроса к земной истории: забракованный винтовочный ствол резался на револьверные. Конечно, калибр великоват, при массовом производстве каждый лишний миллиметр означает дополнительные затраты на производство, да и по баллистическим свойствам пули следовало бы уменьшить. Но... Лиха беда начало, дойдет и до этого.

Есть у нас и свои изюминки, если можно так выразиться: семь пулеметов и три орудия, заряжающихся с казны и со шрапнельными снарядами. Не бог весть что, но в нужный момент и в нужном месте... Но самое важное даже не в пулеметах. Самое важное – воинский дух.

«Кавалергарда век недолог...» и «Плох тот гусар, что доживает до тридцати» – именно так подбирали людей в бри-

гаду. Сначала офицеров, а затем и солдат. Лихость, но не показная, презрительное отношение к смерти, но не напускное... Управлять такими людьми сложно, они не серая масса, каждый из них – личность. Но мне нужны были именно такие. Ведь сейчас, когда солдаты не закопаны в землю по самые брови, когда не пришло еще время кинжального пулеметного огня, когда смерть не прилетает из-за многих километров, именно такие воины значили очень многое. Командующий бригадой граф Антонио фер Дисса тоже был ярким представителем людей именно такого склада.

Вероятно, потому и не горели военачальники моей бригады войти в состав имперских войск: они отлично понимали, сколько возникнет проблем. Такие солдаты не для мирного несения службы, они для войны. К тому же теперь я и сам их не отдам. Ведь именно они станут прообразом гусар, что так торопились жить, потому что отлично знали – жизнь так коротка и не стоит тратить ее на лишние раздумья. Ведь именно в их среде наверняка появится такая забава, как «гусарская рулетка», в моем мире известна всем как «русская». Нет, я их ни за что не отдам.

Кавалеристы бригады резко выделялись среди остальных своим внешним видом. Никаких тебе камуфляжных пятен на форме. Наоборот, мундиры на них горели золотом. Даже императорские гвардейцы, всегда гордящиеся блеском своего обмундирования, по сравнению с ними выглядели бедными родственниками. Оставалось только убедиться в том, что

бравата моих людей не напускная, что они и внутри такие же, как выглядят снаружи. Ну и очень уж хотелось увидеть их в схватке с непобедимой гвардией короля Готома.

Глава 3

Диверы

Из шатра я выходил не в самом хорошем настроении. Казалось бы, никаких новых плохих новостей, обстановка на совещании была самой деловой, без всяких признаков нервозности.

Да, Готом силен, да, вражеская армия превосходит нас численностью, да, опыт военных действий по сравнению с нами у противника просто огромен. Но мы-то на своей земле, и место выбрано самое удачное, с левого фланга точно не обойти – плавни, а обороняться всегда проще.

Весть о том, что вайхи напали на Дрогаунд (город, расположенный много севернее этих мест), не стала для меня новостью, я узнал об этом еще по пути сюда. У Готомы с вайхами все проплачено, чтобы не лезли они в Трабон и, наоборот, почаще навевались в Империю. Степи, где кочуют вайхи, территориально принадлежат Империи, но мы все не можем навести там порядок.

Я даже успел отправить письмо дормону вардов Тотонхорну с просьбой прогуляться по вайховским степям и призвать тамошних жителей к порядку. Желательно жестко призвать, особо не церемонясь. Ну и потом пройти Туйским ущельем в Энейских горах, чтобы оказаться на территории Трабона.

Там есть лишь небольшая крепость, не ждут в Трабоне удара с той стороны. Заодно я попросил Тотонхорна потревожить Трабон с севера, там, где его земли граничат с землями вардов. Именно попросил, не станет Тотонхорн ничьих приказов слушать.

Вообще-то с дормоном у меня отличные отношения, связанные с давней историей, когда мне удалось спасти его сына. Однажды я навестил Тотонхорна и убедился, что в нашей дружбе ничего не изменилось. Сам он в Дрондер не навешивается, а вот его сын, Тотайшан, прожил в нем без малого три года. Когда он возвращался к отцу, я с ним и увязался. Хорошо там у него, степь, раздолье... Сразу двух зайцев убил: и отношения освежил, и отпуск неплохой получился.

Но с тех пор прошло три года, и мало ли что могло измениться в его симпатиях. Хотя Коллайн утверждает, что не посещали дормона в последние несколько лет люди Готома, пытающиеся склонить вардов на свою сторону.

Что-то расслабился я за последние несколько лет спокойной жизни. Разве что вечные дворцовые интриги, черт бы их побрал. Ничего серьезного, но за каждым своим словом приходилось следить тщательно. Поначалу бывало: ляпнешь пару слов не подумавши, так смысл фразы перевернут, что потом просто диву даешься.

Недалеко от входа в шатер меня поджидал барон Эрих Горднер. Я заметил его сразу по прибытии, но мы успели лишь обменяться приветствиями, поговорить времени не

было.

– Пойдемте, барон, – обратился я к нему. – Мои люди должны уже успеть поставить шатер. Поужинаем вместе, заодно и поговорим.

Отсюда, с высоты, где на окраине леса расположилась ставка герцога Онийского, хорошо просматривалось поле будущего сражения. Некрутой спуск переходил в луга, за которыми блестела лента реки Варент. За рекой видны многочисленные огоньки костров армии Готома. Его войска подошли еще два дня назад, и сражение должно состояться со дня на день, не зря мы так торопились по дороге сюда. Мост через реку разрушен, но это для Готома не станет препятствием, река Варент, как говорится, воробью по колено.

Самого моста было жаль, добротный такой каменный мост, все же здесь Сверендерский тракт пролегает, идущий от границы с Трабоном до самой столицы Империи. Были видны и наши редуты, много редутов, а вот на другой стороне реки их не видно. Не боится, видимо, Готом, что мы сами пойдем в наступление. И, судя по словам, что мне довелось услышать на только что закончившемся совещании, правильно делает. Ну да ладно, пусть у герцога голова болит об общей стратегии, а у меня своя миссия.

Шатер конечно же успели поставить. В нем мы все и собрались. Бригада разбита на четыре полка, в каждую входит четыре эскадрона в среднем по сто двадцать человек. Сами эскадроны поделены на полуэскадроны, у каждого подразде-

ления свой командир, так что народу в шатре было не протолкнуться.

Фер Дисса вкратце рассказал собравшимся офицерам то, что происходило на совещании, затем взглянул на меня. Я коротко мотнул головой – добавить пока нечего. Затем мы принялись за ужин, который к этому времени как раз подошел. Еще бы, полевые кухни на колесах не менее важны, чем острота кавалерийской сабли, и в бригаде таких кухонь хватало.

– Рассказывайте, господин барон, – попросил я Эриха, когда мы остались вдвоем.

В общем-то ничего нового или неожиданного я от него не услышал. Часть его людей, четыре группы по пятнадцать человек, уже в тылу армии Готома. От них пока не было вестей, но их еще никто и не ждал, рейд планировался недели на две. Еще две группы отправятся в королевство Трабон, каждая со своей задачей. Ну а остальные его люди находились здесь.

«Вот и пришла пора для того, чтобы понять, кого мы с тобой подготовили, – думал я, глядя на барона. – И на что потратили такие деньги, что даже вспоминать страшно».

Людей, подготовленных в Доренсе, не слишком много, но каждый дорогого стоит. И отменной выучкой своей, и оружием. С самого начала была у меня идея вооружить своих диверсантов бесшумным оружием, и я не успокоился, пока ее не выполнил. Конечно, у каждого из них был револьвер, но он для ближнего боя. А для дальнего предназначались ка-

рабины. Вот с ними и пришлось помучиться.

Внешне карабины не похожи на то, чем вооружены воины в кавалерийской бригаде. Основное отличие составлял несъемный глушитель, а так – тот же магазин на пять патронов и скользящий затвор.

И если с самим глушителем проблем не возникло (иной раз женщину сложнее уговорить, чем его изготовить) – он представлял собой цилиндр с многочисленными камерами, то с другой проблемой пришлось здорово помучиться. Просто глушителя на ствол мало, необходима была еще и звуковая скорость полета пули. И как определить, что эта скорость не двести восемьдесят – двести девяносто метров в секунду, как необходимо, а все триста двадцать, что уже недопустимо. Ведь основной звук выстрела и происходит после того, как пуля преодолевает звуковой барьер. Уменьшать заряд пороха в патроне – тоже не выход. Прежде всего потому, что патроны, кроме револьверных, для всего оружия были унифицированными, здесь мы поскупились во имя экономии. И мы принялись сверлить отверстия в стволе, паля по мишеням после каждой просверленной дырочки, чтобы найти компромисс между потерей мощности выстрела и его громкостью.

В итоге своего мы все же добились, на четыреста шагов стрелки уверенно клали пули в центр мишени, причем громкость звука, вернее, почти полное его отсутствие, нас удовлетворило. На таком расстоянии пули входили в дерево при-

мерно на два пальца. Большого и не требовалось.

Порох соответственно использовался бездымный, какой смысл в отсутствии звука при клубах дыма. Созданный Гобелли с помощью кислоты и растительной клетчатки порох, с которым он меня познакомил еще при первой нашей встрече, в моем мире, по-моему, назывался пироксилиновым. Такой порох боится влажности, но может храниться десятилетиями. При его изготовлении существуют определенные проблемы, связанные с опасностью взрыва, но здесь я вовремя вспомнил о Менделееве с его идеей использовать спирт.

Были у нас на вооружении и винтовки другого типа, отличающиеся длиной ствола, оптикой и дальностью боя. Со всем мало, каждая стоимостью чуть ли не в поместье и доверенная лучшим стрелкам. Вспомнив об этих винтовках, я посмотрел на Горднера, и он в ответ на мой молчаливый вопрос отрицательно покачал головой:

– Нет, Артуа, не достать. На необходимое расстояние к нему не приблизиться.

Жаль, очень жаль, половину проблем можно было бы решить одним выстрелом, но теперь уже ничего изменить нельзя. Кто же меня тянул за язык тогда, почти шесть лет назад? Приберег бы как один из сильных козырей.

«Посмотрите, господин посол, как разлетается на осколки ваша шкатулка. И еще обратите внимание на расстояние до места, с которого был произведен выстрел».

Попробуй подберись теперь к Готому. Предупрежден –

значит вооружен.

Можно было бы еще до войны отправить группу в Трабон, и уж там достать Готома наверняка бы получилось. Но не дай бог, если бы заказчик убийства стал известен. Тогда все, туши свет, подлое убийство короля! Меня в этом мире не понял бы никто, даже свои. Пасть на поле брани – это честь, да и заговор – дело житейское, а вот так...

Ладно, чего уж теперь. В конце концов отсрочку-то мы получили. И если бы не Абдальяр... Господи, он-то какого черта в Империи забыл?

Таких стрелков, которые способны поразить цель на не представляемой в этом мире дистанции, у меня двадцать. Они не просто стрелки, они подготовлены так, что могут сутками лежать в засаде без малейшего движения или незаметно подкрасться на необходимую для выстрела дистанцию. Скоро им всем найдется работа – выщелкивать офицеров во вражеском строю. И пусть не благородное это занятие, но о каком благородстве может идти речь, когда в твой дом вломились грабители.

– Мне пора, Артуа, – вновь нарушил молчание Горднер.

«Извини, Эрих, задумался. Да и о чем было говорить? Давать наставления? И какой в этом смысл? Ты и сам все отлично знаешь».

– Удачи тебе, Эрих. – И я протянул руку. Не приняты в среде благородных дворян рукопожатия, все больше поклоны да расшаркивания, но сейчас не тот случай.

Горднер крепко пожал протянутую ему руку, надел шляпу и вышел из шатра. Я последовал вслед за ним. На дворе уже смеркалось, и тем ярче горели тысячи огоньков от костров по обоим берегам реки Варент.

Эрих одним движением вскочил в седло, махнул на прощание рукой и в сопровождении своих людей скрылся за соседними шатрами. Удачи тебе, Горднер. Там, куда ты направляешься, будет еще сложнее, чем здесь, на берегах чертовой речушки Варент. Там тебе никто не поможет, все вокруг чужие, и надеяться можно только на себя и на тех людей, которых ты сам и подготовил.

Казалось бы, самое время отдохнуть после двухнедельной безумной скачки с редкими днями отдыха, но мне не спалось.

– Пойдем, Проухв, посидим с людьми у костра, – обратился я к барону Сейну, занимавшему соседнюю походную кровать в шатре.

Тот с готовностью вскочил на ноги. Эх, Прошка, нет в тебе той вальяжности, что присуща людям с благородным происхождением, хотя титул барона ты носишь уже шестой год. Ничего, не сам, так дети твои ей проникнутся, да вот только надо ли?

Мы присели к костру, вокруг которого собрались питомцы барона Горднера, те, кто не ушел с ним в глубокий вражеский тыл. У оставшихся другая задача, все они – отборные стрелки, лучшие из лучших, потому что посредствен-

ных барон не держит. В Доренсе те еще ребята собрались, но воспитание у них другое, в отличие от гусар. Только в одном они и сходятся: умри – но задачу выполни. Но во всем остальном...

Нет в них блеска, незаметные они, как тени, ничем внимание не привлекают, пока не увидишь ребят в деле. Диверы, в общем. Диверами я их сам и называл однажды, после чего кто-то поинтересовался, что это значит. Пришлось выкручиваться, были, мол, в древности такие воины, что круче свет не видывал. Понравилось. И слово прижилось. Сначала они сами себя так называли, а затем я это слово из уст самого Горднера услышал.

Один из сидящих у костра воинов очень напоминал Шлона Броксона. Такой же верзила, и даже усы похожи. Того Шлона, с которым мы когда-то встретились в Стенборо. Сейчас-то Шлон раздался во многих местах, особенно в талии. Когда стоит, сверху ему на живот при желании кружку с пивом можно поставить, и не упадет она. Нет, пиво он сейчас не пьет, не солидно ему, крупному виноделу, плебейским напитком баловаться. Вино из его виноградников даже императрице на стол подают. Поставщик двора ее императорского величества, чтоб его. Все получилось так, как когда-то я ему и обещал.

Не знаю, откуда Шлон узнал, что я на войну собираюсь, примчался. Как по тревоге, при всем вооружении. И очень огорчился, когда я его не взял. Потом уже я и сам пожалел.

И ему полезно было бы жирок растрясти, да и мне его шутки с прибаутками послушать всегда приятно.

Из прежних моих людей при мне только Прошка, Жгут да Амин, остальные кто где. Кот, один из «диких», к слову сказать, вообще графом оказался, тоже мне Атос. Хотя я в его отношении всегда что-то подобное подозревал, слишком уж гладок был его язык, да и обороты речи такие простолюдинам совсем не присущи. Мечта у него была в «дикие» попасть. И ведь добился своего, начав служить простым солдатом и скрыв свое происхождение. Сейчас он со своим напарником Вороном в Доренсе инструкторами, кем же еще.

Стрельнул сухой веткой костер, взметнув в темное небо сноп искр и заставив вздрогнуть от неожиданности. Пойдем спать, барон Сейн, необходимо выспаться, возможно, завтра все и решится.

Глава 4

Праздничный салют

Утро встретило нас густым как сметана туманом, так что в двух шагах можно было разглядеть лишь смутные тени предметов. От реки доносились тревожные голоса солдат и крики офицеров, призывающих их к спокойствию.

Страхи солдат понятны – враг невидим, быть может, он уже перешел реку и ринулся в атаку. Хотя вряд ли Готом начнет сражение в условиях ограниченной видимости. Войсками-то необходимо руководить.

Нервничают наши солдаты, и это вполне объяснимо: армия Готома еще не знала поражений, и слава о ней идет вполне заслуженная. Воины у короля опытные, прошедшие уже не одну победоносную кампанию. А в имперских войсках довольно много еще не нюхавших порошу рекрутов. Только бы стрельбы не началось, не выдержат у кого-нибудь нервы, примут своих за чужих, а потом попробуй останови пальбу, когда в каждой смутной тени видится подкрадывающийся враг. Пока разберутся да образумятся, столько людей пострадает. Еще и паника может случиться. Представляю, какой хохот у Готома стоять будет, когда об этом узнают.

Слава богу, обошлось, офицеры сумели навести порядок, и до стрельбы дело не дошло.

Туман развеялся ближе к обеду, и сразу появилась тревога другого толка: выступит ли Готом сегодня или даст нам еще один день на подготовку? Хотя куда уж больше, все было готово еще до подхода вражеских войск. Полки расставлены, резервы подтянуты, орудийные батареи заняли позиции в соответствии с генеральным планом обороны. Палисады, фашины для защиты от пуль связаны; колья, забитые в землю на предполагаемых направлениях атаки вражеской кавалерии, торчат остриями на запад, так что добавить больше уже и нечего.

Когда-то давным-давно, несколько столетий назад, именно по реке Варент проходила западная граница Империи. Ее название со староимперского языка и переводится как «рубеж». Вот только провинция Тосвер, бывшая некогда независимым герцогством, никогда не принадлежала Трабону. В принципе король Готом своей цели в войне достиг, полностью оккупировав провинцию, и на большее не претендовал. Пока не претендовал, ведь аппетит, как говорится, приходит во время еды, и к политике это тоже относится. Сейчас он вполне мог продвинуться к Сверендеру, столице провинции Тосвер. Через Сверендер протекает широкая и полноводная река Сверен, деля город на две части. Река начинается далеко на севере, так что получится естественная граница между новыми владениями Готомы и Империей...

С высоты холма, на котором находилась ставка герцога, речная долина Варент просматривалась как на ладони и хо-

роша была видна расстановка наших войск. По центру долины располагался редут. Да что там редут, целая крепость, окруженная рвом. Когда-то на этом месте располагался каменный форт, и редут возвели на его развалинах. На единственной башне, что время не успело разрушить до основания, виднелся имперский флаг, из-за безветрия выглядевший как обычная тряпка.

В форте было установлено не меньше сотни орудий, и можно себе представить, какая внутри теснота. Слева от форта проходил Сверендерский тракт. Основная масса войск и была сосредоточена возле форта.

Еще один редут почти вплотную прилегал к казавшимся с высоты холма бесконечными плавням, а третье укрепление находилось почти на самом краю правого фланга. Как раз за ним и заняла позицию моя бригада с приданным ей егерским полком. Между правым и центральным редутами имелся огромный по протяженности довольно глубокий овраг, занимавший чуть ли не четверть расстояния между ними.

И повсюду, куда ни кинь взгляд – войска, войска, войска. Отряды конницы, орудийные батареи, разноцветные прямоугольники пехотных построений, казалось, разбросаны по долине в полном беспорядке. Но это лишь для меня, человека, абсолютно ничего не смыслящего ни в тактике, ни в стратегии ведения войн. На самом же деле каждый отряд занимает свое место, знает свою задачу в той или иной ситуации.

Нет, не быть мне никогда великим полководцем, и слава

богу. Слишком уж это цинично: планировать убийство как можно большего количества чужих людей, при этом стараясь потерять как можно меньше своих.

«Так-то оно так, – возразил я сам себе, – но только когда дело не касается защиты своей родины». Я взглянул на герцога Ониойского, внимательно что-то рассматривающего в бинокль на вражеском берегу Варента и время от времени задающего вопросы офицерам из своего окружения. «Думай, ваше сиятельство, думай, как сокрушить нам войска Готома, вся надежда только на тебя».

Казалось бы, ну что такое сто тысяч человек, что в нашей армии, что во вражеской? В моем времени стадионы на футбольный матч почти столько же собирают. Сейчас же сто тысяч – армия целой державы, от которой зависит ее дальнейшая судьба.

«Хорошо, что не мне приходится командовать, – в очередной раз подумал я, вновь оглядывая готовящуюся к отражению атаки имперскую армию. – И дело даже не в ответственности. Ведь нужно знать, что делать, как делать и когда делать. Но за свой правый фланг отвечаю я, и мы все там ляжем, но враг не пройдет».

Во время вчерашнего вечернего совещания герцог несколько раз выразительно смотрел на меня, вероятно полагая, что я явился с какими-то особыми полномочиями от императрицы. На самом деле все было не так. По сути, я находился здесь чуть ли не как частное лицо, что и попытался

объяснить.

— Господин главнокомандующий, сюда я прибыл только потому, что не смог усидеть в столице в ожидании новостей с фронта, какими бы они ни были, — примерно так я пояснил ему суть своего прибытия.

Когда герцог понял это, по-моему, по его лицу даже пробежала тень облегчения. Утаил от него я только одно: свое клятвенное обещание Янианне не строить из себя героя — спасителя Империи, не бросаться на лихом скакуне на врага впереди всех, личным примером зажигая остальных на ратный подвиг. Только на таком условии мне и удалось получить согласие от дражайшей своей супруги. Ситуация довольно для меня неприятная: идет война, а мне, чтобы на нее отправиться, необходимо согласие жены.

Чтобы хоть каким-то образом утешить свое мужское самолюбие, мне даже пришлось вспомнить анекдот о том, что это у быка жена корова, а у льва, то есть у меня, — львица, и очень-очень прелестная.

После того как между мной и герцогом произошло объяснение, обстановка на совещании заметно разрядилась. Вероятно, остальные тоже считали, что я всех выслушаю, затем извлеку грозную на вид и по содержанию бумагу, и заявлю: «Господа, согласно эдикту ее императорского величества командование имперской армией переходит ко мне». Конечно, я непременно так бы и сделал, если бы от этого был хоть малейший толк, но...

Герцог попросил меня разместить моих людей на самом краю правого фланга. Считалось, что наступление Готома пойдет по центру, так что эту просьбу можно было расценить как желание, чтобы я не путался под ногами. В общем-то логичное решение. Я привел с собой немало людей, но под командование герцога их не отдал, а значит, непонятно, чего от меня ждать дальше, ведь мне может взбрести в голову отправить их в атаку в самый неподходящий момент, путая все планы командующего.

Мне очень хотелось знать, что именно содержится в письме герцогу от Янианны, которое я же ему и передал. Вполне возможно, что в нем говорилось о том, чтобы постараться удержать меня как можно дальше от мест, где льется кровь и свистят пули. Так что один из флангов – самое подходящее для меня место.

Хотя с другой стороны существовала опасность того, что войска Готома попытаются обойти нас именно с правого фланга. Конечно, рельеф местности для такого маневра там не самый подходящий: многочисленные овраги, обрывистый берег Варента, но теоретически возможно все.

А кстати, как там поживает король Готом? Я направил бинокль за реку. Бинокль, конечно, не Цейс, но в сравнении с теми трубами, которыми пользовались до того как оптикой занялся Альбрехт Гростар...

Ставка Готома тоже находилась на холме, еще более высоком, чем наш. Так уж тут принято, не на картах воюют

стратегии, рисуя на них разноцветные стрелки, а отправляя энергичными взмахами шпага колонны солдат под барабанный бой на смерть.

«Нет, не достать до него, нипочем не достать. И не подкрасться, рельеф не тот. Чисто поле, и посреди него возвышается высокий холм. А вокруг войска, войска. Может быть, потом, позже».

Всех нас весьма волновал вопрос: начнет ли Готом атаку сегодня? Время уже перевалило за полдень, и до вечера сражение явно закончиться не успеет. Ночью никаких военных действий не будет, прежде всего потому, что очень затруднительно в темноте руководить действиями войск. Быть может, Готом начнет его завтра с утра? Но ведь может случиться так, что и завтра туман раньше полудня не рассеется.

Наш обед был прерван вестью о том, что войска противника пришли в движение. Все спешно поднялись из-за обильно накрытого не по военному времени стола. На наших глазах полки Готомы перестраивались, концентрируясь у разрушенного моста. Судя по развернувшейся перед нами картине, герцог оказался прав: прорывать нашу оборону противник будет именно в центре.

Красивое зрелище, если наблюдать за происходящим в долине с высоты холма, на котором находилась ставка командующего имперскими войсками герцога Ониойского. Ровные разноцветные прямоугольники отрядов, маленькие, даже крошечные фигурки кавалеристов в блестящих на солнце

кирасах и шлемах. Развернутые знамена, барабанщики, горнисты... И все они двигаются, занимая, согласно приказам, свои места перед атакой.

Да, зрелище красивое, если не думать о том, что произойдет меньше чем через час: яростный рев людей, бросающихся друг на друга с желанием убить врага и при этом остаться в живых. Вопли и стоны раненых, ржание умирающих лошадей, едкий, воняющий серой пушечный дым...

И мерзкий запах человеческих внутренностей от тел, развороченных пушечным ядром или сабельным ударом. Воды реки Варент непременно покраснеют от крови. Хотя, быть может, этого не произойдет, возможно, это только легенда. Но проверять ее достоверность ох как не хочется.

И все же не один я из присутствующих в ставке герцога облегченно вздохнул. Нет, не потому что нам хотелось как можно быстрее вступить в бой. Просто слишком уж много нервов тратилось в ожидании неизбежного. Так, мне пора на правый фланг, здесь, в ставке герцога я буду только зрителем.

Ониойский несравненно лучше знает, что и когда ввести в бой, скорострельность пушек и дальность полета ядер, когда следует бросить в горнило войны очередную порцию пушечного мяса. А свое личное мужество я смогу показать и в том месте, что определено мне командующим в соответствии с общей стратегией.

Я на военный манер взял под козырек шляпы двумя паль-

цами, давая понять герцогу, что отправляюсь туда, где он и желает меня видеть. Герцог, в это мгновение оторвавшийся от бинокля, кстати мною ему и подаренного, кивнул в ответ и вновь принялся наблюдать за противником.

Вскочив на гарцующего Ворона, придержанного Проухом, я отправился на фланг. Нет ничего зазорного в том, что Проух держал мне коня. Пусть он сам сейчас барон, так и я давно уже даже не граф. Ворон всхрапнул и с пары скачков взял в карьер, так умеют только аргхалы. Ничего, остальные догонят, не тот случай, чтобы ехать в окружении свиты. Ворону уже одиннадцать лет, он только вступил в пору своей зрелости, и лет десять конь мне еще точно послужит. А затем... Затем займется своим любимым занятием – плодить маленьких Воронят, отличное занятие на пенсии.

Конь шел немного нервно, это чувствовалось, мы давно друг друга понимаем так, что иногда даже мистикой пахнет. Его состояние понятно, я сам взвинчен до предела, что понятно тоже.

Взлетев на пригорок, где расположились граф Антонио фер Дисса и несколько офицеров бригады, а также фер Энстуа – командир егерского полка, вместе с нами занявшего позицию на самом краю правого фланга, я соскочил с Ворона:

– Приветствую вас, господа. Судя по всему – началось.

Наверное, следовало сказать какие-нибудь слова ободрения или провозгласить твердую уверенность в нашей победе.

Только не те это люди, что нуждаются в словах ободрения.

Графа Антонио фер Дисса я нашел благодаря Янианне. Вернее, получилось следующим образом. Полностью искоренить дуэли нам не удалось, но резко сократить их число все же получилось. Созданный еще несколько лет назад Дворянский суд чести разбирал каждый состоявшийся поединок, и в том случае, если, по его мнению, повод для вызова был незначительным, он ходатайствовал перед императрицей о наказании дуэлянтов, одного или обоих сразу. Одно из таких ходатайств я и увидел у Яны на столе в кабинете.

Состоявшаяся дуэль графа фер Дисса с еще одним графом, Додом Сарандером, имела огромный резонанс. Как же, оба они – блестящие фехтовальщики, одни из лучших, если не лучшие в Империи. Антонио дуэль выиграл, а на очередном судебном заседании причины для вызова графом фер Дисса графа Сарандера показались суду не слишком очевидными. Конечно же судьи пришли к выводу, что фер Дисса следует примерно наказать.

Что удивительно, среди участников суда оказалось на редкость много родственников его оппонента, хотя при формировании как раз этому моменту и уделялось наибольшее внимание. С самого начала его работы хотелось видеть, чтобы представителей от всех наиболее значимых родов Империи было поровну, ведь только в этом случае можно было надеяться на объективность при вынесении судом вердикта.

Антонио я знал задолго до этого, наши пути пересекались,

и не раз. Как выяснилось позже, он даже принимал участие в битве при Кайденском ущелье. Кстати, узнал я об этом вовсе не от него самого, что в общем-то делало ему честь. При моем нынешнем статусе довольно часто вовсе незнакомые мне люди старались напомнить о том или ином событии, в котором оба мы, как оказывается, участвовали. Причем они, как правило, еще и успевали оказывать мне помощь, чуть ли не жизнь спасали. Даже удивительно, откуда у меня в прошлом было столько проблем, раз пол-Империи мне всегда помогало, проникнувшись симпатией с первого взгляда.

За графа просил один из его родственников. Вот он-то и поведал мне о присутствии фер Дисса в Кайденском ущелье. Конечно, не это сыграло ключевую роль, Антонио в ситуации с дуэлью против Сарандера был прав на все сто.

Короче, я в очередной раз сказал Янианне, что этот человек мне нужен. Чтобы ситуация не выглядела слишком уж подозрительной, сказал, что фер Дисса наказать обязательно нужно, но совсем не обязательно подвергать его опале, разжаловать в рядовые или лишать дворянства. Достаточно объявить о его отставке из имперской армии. Помню, тогда она мне заявила:

– Дорогой, у меня складывается впечатление, что ты собираешь у себя самых проблемных людей Империи. И к чему бы это?

Тут и выяснилось: ей донесли о том, что однажды я выкупил из пут имперского правосудия человека, который ныне

работает инструктором в Доренсе, и Яна буквально жаждала поговорить со мной на эту тему. Как раз и случай подходящий подвернулся.

Тогда я ловко выкрутился из ситуации, заявив, что мне трудно соображать и что-либо вспоминать, когда на меня смотрят глаза такой потрясающе красивой женщины. Затем и вовсе увел разговор в сторону, внезапно вспомнив, что совсем недавно вышел из печати новый любовный роман. И не просто роман, а продолжение истории о трагической любви, так внезапно прерванной в прошлой книге на самом интересном месте.

Антонио мне отдали. Подумаешь, дуэль, в которой и погибших-то нет, когда бедная Изольда, героиня романа, так переживала о том, что ее возлюбленному Буриасу наговорили о ней много всяких гадостей. И совсем не известно, как он теперь поступит, тем более что негодяйка Панея уже и так почти его соблазнила.

В одном Янианна права, мне действительно хотелось видеть в своем окружении не тупых исполнителей, а незаурядных личностей. Фер Дисса, несомненно, таким и являлся.

Граф Антонио фер Дисса, высокий брюнет лет тридцати, в роли командира только начавшейся формироваться бригады полностью меня устраивал. Из семьи потомственных военных, неплохой офицер, он вполне смог бы уже сделать себе карьеру, если бы не его склад характера. Ведь давно уже известно, что бывают офицеры, рожденные для войны и для

мирного несения службы. Фер Дисса к последней категории отнести было никак нельзя. Ну а мне как раз и были нужны люди его склада.

Мне удалось уговорить фер Дисса занять предназначенное ему мной место. Для начала пришлось убедить, что бригада моя не потешный полк мающегося дурыю и не знающего, куда потратить лишнее золото человека. Мы долго говорили о задачах, стоящих перед человеком, что должен занять этот пост.

Затем я как бы невзначай похвастал своим револьвером и даже предложил из него пострелять. Похвастал, якобы совсем не ведая о том, что фер Дисса – такой же страстный поклонник огнестрельного оружия, как и Анри Коллайн, с которым они часами могли разговаривать на эту весьма интересную тему.

Потом я немного ему пособолезновал, сказав, что такое оружие невозможно купить нигде и ни за какие деньги. Ну и еще обмолвился о том, что все офицеры формирующейся бригады будут иметь подобные револьверы. И мы поладили.

Вместе с нами на вершине холме сейчас присутствовал командующий полком конных егерей барон Эрест фер Энстуа. Тоже молод, не больше тридцати, но, в отличие от Антонио, всегда серьезен. Несмотря на отсутствие каких-либо протекций и не слишком-то знатное происхождение, уже командует полком. Отлично проявил себя во время карательной экспедиции в степи вайхов после очередного их визи-

та в имперские города. Никакой излишней жестокости, но и никакого миндальничания. Пришел и выполнил свое дело, причем выполнил качественно.

Фер Энстуа я знал с тех далеких времен, когда еще сам был бароном. Тогда я со своими людьми преследовал Говальда, жестокого бандита, объявившего себя владыкой Майронских лесов. Затем мы встречались еще пару раз при разных обстоятельствах и вчера поприветствовали друг друга как добрые знакомые.

Не нуждались оба этих человека в подбадриваниях или словах напутствия. То, что прикажут, – сделают, в случае необходимости не побоятся взять ответственность на себя. Сейчас мы лишь обменялись парой ничего незначащих слов.

Кстати, егеря фер Энстуа одними из первых в Империи получили нарезные капсюльные штуцеры. Они и с гладкоствольными ружьями порой умудряются вытворять чудеса, так что штуцеры пришлись им впору. Конечно, это не затворные карабины команды Антонио фер Дисса, но винтовок хватило только для них да для императорской гвардии. Гвардия, она и есть гвардия, к тому же одной из ее обязанностей является охрана императорского дворца. Оба гвардейских полка тоже присутствуют здесь, на берегах реки Варент.

Позиция, занятая егерями барона и кавалеристами фер Дисса, несколько выдавалась вперед в общем построении войск, так что картина предстоящего сражения просматривалась как на ладони. При помощи неплохой оптики, конеч-

но.

Герцог оказался прав – атаку войск Готома следовало ждать именно по центру. Хотя, на мой взгляд, ширина речной долины не слишком-то и предполагала других вариантов развития событий. Именно в центре была сконцентрирована основная часть имперских войск. Что в общем-то тоже логично, ведь при атаке по флангам оттуда быстрее всего получится перебросить часть войск в любом направлении. Там же, правда, во второй линии обороны находился и один из двух гвардейских полков. Даже с такого расстояния гвардейцы выделялись на общем фоне ярко горящими на солнце кирасами и шлемами с плюмажем. Второй полк гвардии был отведен в тыл и находился в резерве.

Я снова перевел взгляд на приближающегося врага. Передовая часть войск Готома, следующая несколькими колоннами, уже успела приблизиться на расстояние пушечного выстрела. Началось.

Грохот орудий слился в сплошную канонаду, и местность перед фортом быстро заволокло дымом. Выстроенные перед нашим укреплением пехотные полки палили залпами.

Здесь, как и в моем мире, тактика ведения огня пехотой заключается в залпах плутонгами, когда первая шеренга, произведя залп, падает на колени, давая возможность выстрелить следующей. Стрельба при этом ведется шеренгами, поочередно, и, когда залп производится последней шеренгой, первая успевает перезарядить ружья. Затем все повто-

ряется по кругу.

«Имперский пехотный полк разделен на три батальона по пятьсот человек. Выстроен он побатальонно, в шеренге сто человек, а всего шеренг пять. Темп стрельбы у наших пулеметов – пятьсот-шестьсот выстрелов в минуту. Получается, батальон можно заменить одним пулеметом, и плотность огня у него будет примерно такая же. При условии, что численность полка в имперской армии составляет порядка полутора тысяч человек, любой из них по плотности огня можно легко заменить тремя пулеметами. Ведь времени, потраченного на то, чтобы передняя шеренга припала на колено, а следующая успела навести ружья на цель, с лихвой хватит на перезарядку пулемета», – размышлял я, глядя на разворачивающееся перед моими глазами сражение.

Была у меня мысль поставить часть пулеметов на самом опасном участке, и я даже поделился ею с герцогом. Что представляет собой такой механизм, он знал, еще несколько месяцев назад мы устроили своего рода презентацию для нескольких высших чинов имперской армии. Надо ли говорить о том, что зрители были весьма впечатлены, но, когда дошло до возможности применить пулеметы в деле, герцог надолго призадумался, а затем отрицательно покачал головой. Не знаю, почему он принял такое решение, но настаивать на своем мнении я не стал. И теперь посчитал, что зря, ведь кроме эффективности пулеметного огня существует еще и немалый психологический фактор.

Король Готом о новом оружии знал тоже, когда-то мне пришлось продемонстрировать пулемет его послу в Империи как средство устрашения и предостережения. Тогда я считал, что нам удастся наладить пусть и не массовый выпуск, но несколько сотен экземпляров успеем сделать точно. Увы, как говорится: было гладко на бумаге...

Тем временем пехота Готомы, несмотря на потери, сближалась с передовыми построениями имперских войск. Ветра почти не ощущалось, и низину все больше заволакивало пороховым дымом, из-за чего видимость была просто отвратительной. Происходящего у форта было не разобрать, но, судя по тому, что наши батареи смолкли, оборона прогнулась.

К ставке герцога примчался одинокий всадник, а спустя несколько минут оттуда отправились уже трое посыльных. Можно не сомневаться: герцог отдает приказы, выправляя положение.

И действительно, часть имперских войск пришла в движение, направляясь к форту, главнокомандующий вводил часть резервов. Гвардия оставалась пока на месте, хотя один из всадников прибыл и к ним.

Потери у Готомы должны быть, как без этого. Все же применение новых пуль давало возможность начать стрельбу на расстоянии, ранее недоступном. Еще задолго до сближения войск вперед выскочили около ста застрельщиков с нарезными ружьями, которые смело можно называть винтовками. Конечно, комариные укусы, но сам факт. Где-то там, в ды-

му, действовали и полтора десятка стрелков из Доренса, вооруженных винтовками, обогнавшими свое время на добрые пару столетий. Пусть и несерьезно количество, но и цель у них особая – офицеры армии Готома. Офицеры – это то, чем сильна любая армия. Помимо выучки, вооружения и боевого духа, конечно.

Пятеро таких стрелков остались при мне, и на них у меня имелись особые планы.

Холм, на котором находится штаб короля Готома, с моего места просматривался отлично. И даже фигурки, если хорошенько присмотреться в бинокль, можно разобрать. Но далеко, черт возьми. А вот если в нужный момент попытаться совершить прорыв всей бригадой, чтобы выйти на расстояние верного выстрела для моих новоявленных снайперов... Пусть даже самого Готома достать не получится, но проредить число его генералов... Сейчас я старательно загонял эту мысль глубоко внутрь, чтобы не сглазить.

Вот к полку тяжелых кирасир от ставки герцога направился гонец, вот он достиг его, уже заметно какое-то движение... Неужели герцог решил задействовать конницу? Но ей же негде будет развернуться в боевой порядок, и скорость набрать не получится. Слишком сложный маневр среди войск, чтобы создать для кирасир нужный коридор в пехоте. Но как будто бы нет, кирасиры остались на месте. Может быть, мне следует прибыть в ставку герцога, проникаться, так сказать, чужой военной мудростью? С другой стороны, что это даст,

раньше надо было начинать, лет пятнадцать-двадцать назад.

Поднимался ветерок, дым понемногу рассеивался, и картина сражения становилась все более зримой. Так, а ведь Готом отступает, вернее, возвращается на свои позиции. Колонны короля Трабона двигались организованно, в строгом порядке, с развевающимися над ними знаменами. Интересно, почему он не бросил в бой подкрепления? Ведь у него их достаточно, Готом ввел в бой не больше трети войск.

Герцог не стал отдавать приказа на преследование вражеских войск, и это, наверное, правильно. Вдруг отступление — это не более чем уловка. Зато теперь вперед снова выдвинулись застрельщики, провожая уходящего противника прицельным огнем.

Строй одной из колонн не выдержал, задние напирали на идущих впереди, чтобы поскорее покинуть зону огня. Наконец колонна рассыпалась. Порядок навели быстро, но на земле осталось довольно много фигурок...

Мы простояли в ожидании повторной атаки Готома около двух часов. Когда начало смеркаться, мы поняли, что на сегодня войны больше не будет. Спустя полчаса к нам прискакал гонец с приглашением прибыть в ставку.

Совещание в шатре герцога происходило примерно так же, как и накануне. Никаких победных реляций, спокойная деловая обстановка. Все понимали, что сражение еще не выиграно, оно даже еще и не начиналось. Потери оказались выше, чем я смог предположить, примерно полторы-две тыся-

чи солдат с каждой стороны. После такого язык не поворачивался назвать произошедшее днем боевой ничьей.

Затем последовал ужин, на котором герцог и задал мне вопрос:

– Господин де Койн, вы не могли бы передать часть своих... как их там?..

Я помог ему:

– Пулеметов, господин герцог.

Я не стал придумывать особого названия для появившегося оружия, попросту соединив слова «пуля» и «метать». И еще я был благодарен герцогу за то, что он не стал обращаться ко мне «ваше величество».

– Хорошо, господин герцог, всего их у меня семь, и четыре вы получите в свое распоряжение. Я сразу же отдам приказ.

Чтобы я отдал их все, мне нужно приставить нож к горлу. Не отдавать вовсе? Пулеметы могут простоять без дела, в то время как будут гибнуть люди. Будет герцог настаивать, отдам еще один, но не больше. Но тот только удовлетворенно кивнул. Есть у меня в наличии еще и три орудия, которым тоже сегодня не нашлось применения, но разговор о них не зашел.

Мы надолго засиделись в шатре после затянувшегося ужина, и, когда я наконец покинул его, было далеко за полночь.

Граф фер Стянуа, который ушел вместе со мной, в шутку заметил, что только благодаря ему мне и удалось найти свое семейное счастье. В ответ на мой молчаливый вопрос

он заявил:

– Ведь именно я подал представление о награждении вас орденом после сражения в Кайденском ущелье, после чего вы и попали на бал в императорский дворец, где познакомились с ее величеством.

Граф хитро посмотрел на меня.

«Что ж, в его словах есть определенная логика», – мысленно согласился я.

– И чем я могу выразить свою благодарность, господин граф? – пришлось поинтересоваться мне.

– Да я в общем-то и сам рад, что два хороших человека нашли друг друга, и этого для меня вполне достаточно, – с самым задумчивым видом произнес он. – Правда, слышал я, что ваш Ворон обогатил вас на еще одного аргхала.

Голос графа звучал совсем уж невинно.

Это действительно было так. Аргхалы – особая порода лошадей, и получить от них такое же потомство действительно трудная задача. Нет, жеребят они производили с завидной регулярностью, но буквально единицы из них были именно аргхалами. Отличить наследников аргхальских кровей чрезвычайно просто: по угольно-черной масти. Так вот, с полгода назад одна кобылка после любовной связи с Вороном принесла сразу двух жеребят, и оба они оказались именно такими – цвета антрацита. Мы с хозяином кобылы их поделили. Но ведь каков наглец этот фер Стянуа, а?

И все же он прав. Не попади я тогда во дворец, возможно,

наша встреча с Янианной вообще бы не состоялась. С другой стороны, сама она говорила о том, что видела меня и раньше, причем не один раз. По ее словам, именно поэтому наша самая первая встреча и получила продолжение.

В темноте, где-то за расположением войск Готома, в небо взметнулось пламя, а затем послышался грохот далекого взрыва.

– Горднер, – вырвалось у меня.

Вернее, не сам Горднер, его питомцы. Эрх с еще несколькими парнями из Доренса должен быть далеко отсюда, на пути к королевству Трабон. Налегке, только с самым необходимым. Зачем везти с собой то, что давно уже находится на территории, принадлежащей Трабону.

Он сам их и делал, эти закладки. И не только в Трабоне. Частично он использовал для этого нашу собственную агентуру, другими агентами «поделился» граф Сток, начальник Тайной стражи, все-таки общее дело делаем. А то, что мы видим сейчас перед собой, работа его ребят, оставшихся здесь. Не иначе пороховой склад взорвали.

Герцог Ониойский, вышедший из шатра на звуки далеких взрывов и присоединившийся к нам, посмотрел на меня, но ничего не сказал.

– Король Готом решил праздничный фейерверк устроить, ваше величество, – попытался пошутить один из офицеров из его свиты, подобострастно заглядывая мне в лицо.

Вот потому-то ты и не в бригаде фер Дисса, уважаемый,

хотя давно и старательно пытаешься в нее попасть. Не нужны там такие, у них другие ценности в ходу. А вы, господин фер Стянуа, получите своего жеребенка, обязательно получите. Только бы завтрашний день для нас удачно сложился, это сейчас главное.

Глава 5

Вылазка

На следующий день мы проснулись рано, еще до рассвета. Тумана не было, а значит, можно было с большой степенью вероятности утверждать, что сражение начнется с самого утра. За завтраком в шатре герцога доложили, что ночью в стане Готомы опять был переполох, снова что-то взорвалось, но такого фейерверка, как при наступлении темноты, уже не было.

Работают люди Горднера, работают, главное, чтобы не попались. Хотя и знают они немного, да и люди все как на подбор, но развязать язык можно каждому. Тогда нетрудно будет узнать методы подготовки, возможности, вооружение, а затем принять необходимые меры для противодействия. На века конечно же все это не скроешь, так и задачи такой нет. Главное сейчас – выиграть эту войну.

От предложения герцога остаться при ставке я отказался. Даже в случае его гибели командование ко мне не перейдет, да я и сам его не приму. Ведь тут именно командовать нужно, а не увлекать за собой личным примером, так что какой смысл.

Перед тем как вернуться к себе на правый фланг, я заехал к пулеметчикам. Все же герцог не до конца доверял ново-

му оружию, и потому их позиция оказалась не на самом переднем крае, а в глубине обороны. Во втором эшелоне, если можно так выразиться.

«Прямо заградительный отряд получился, – усмехнулся я про себя. – Ведь в том случае, если передовые части начнут отступать, стрелять по врагу будет невозможно, только по своим».

Чтобы объяснить ситуацию, пришлось возвращаться к герцогу. В принципе моей власти вполне хватило бы на то, чтобы передвинуть позицию пулеметов на четверть лиги влево, на вершину невысокого холма. По крайней мере, в этом случае появляется возможность палить через головы своих солдат. Но пользоваться этой властью я не стал, армия – это единоначалие, это даже я понимаю.

Герцог, выслушав мои объяснения, с легкостью пошел на встречу. И даже дал приказ убрать с пригорка, куда я намерен был переместить пулеметы, батарею из трех пушчонок. Вот и славно, мешать друг другу не будут.

В пулеметчики мы отобрали наиболее толковых ребят. Ведь то, с чем им приходилось сталкиваться раньше, не шло ни в какое сравнение с новым оружием. Со стороны пулеметы смотрелись не очень внушительно: высокие, значительно выше тележных, стальные колеса и блок из пяти стволов, вращающихся вокруг центральной оси. Пулемет получился весьма похожим на изобретение Гатлинга, по крайней мере, как я его помнил.

Да и принцип работы тот же самый. Несложный механизм с рукояткой приводил во вращение стволы. Под собственным весом в ствол, оказавшийся на самом верху, подавался патрон из кассеты емкостью в сто патронов. Плюсов у такой системы множество: стволы, несмотря на плохое качество металла, не перегревались, поскольку крутились вокруг центральной оси с приличной скоростью, успевая за оборот охладиться. Осечка тоже не являлась проблемой – невыстреливший патрон вываливался, когда ствол оказывался внизу. Пулемет был не требователен к качеству пороха, отлично подошел и дымный. И скорострельность вполне нас устраивала, порядка пятисот выстрелов в минуту.

Минусы были тоже, как же без этого. Тяжелый и неповоротливый, ему даже до максима было ох как далеко. Правда, и война сейчас еще не такая маневренная, какой она станет в будущем.

Каждый гатлинг обслуживала команда из шести человек. Прежде всего конечно же наводчик. Следом шел человек, крутивший рукоять для вращения стволов, так и хочется назвать его оператором. Ну и остальные четверо – заряжающий, помощники перечисленных выше и коновод прикрепленной к каждому пулемету упряжки.

Сюда пулеметы мы доставили на повозках и собирали их уже на месте, из опасения, что при транспортировке в собранном виде не избежать поломок. Собранный пулемет никого из окружающих не впечатлил, митральезы с множе-

ством стволов ружейного калибра давно существовали и в этом мире. Только на них могло быть до сорока стволов, а здесь их всего пять.

В работе же гатлинги видели считанные единицы. Да и то... Герцог, например, тоже ведь видел, но уважением к пулеметам так и не проникся. Ну да, одно дело – в белый свет палить, а другое – в плотную колонну наступающего неприятеля.

«Хотя, возможно, герцог не выставил их впереди из опасения, что они достанутся врагу», – размышлял я, уже подъезжая к месту, где расположилась бригада фер Дисса.

Позиции для оставшихся в моем распоряжении трех пулеметов были оборудованы что надо – прикрыты бруствером из заполненных грунтом мешков. Распределены сектора для стрельбы, замерены дистанции до ориентиров. Еще бы пристрелять следовало, ну да ладно, по ходу дела разберутся: на учебных стрельбах патронов сожжено немало, не сэкономили. В тылу, в поросшей раkitником низинке, стояли наготове лошади, на случай экстренной эвакуации гатлингов или смены позиции.

Проблемы, кругом одни проблемы. Для стволов нужен качественный металл, с добавками, а где их взять? Мы с трудом дотянули до ресурса в семьсот выстрелов у винтовок, что стреляли патронами с бездымным порохом. Патроны с бездымным порохом изготавливались поштучно, вручную, работа тонкая, недаром же при их изготовлении ювелирны-

ми весами пользуются. И на все деньги, деньги, где их только брать?

В принципе была неплохая возможность заработать как раз на Готоме, вернее, на войне, которую он развязал. Мой управляющий делами Герент Райкорд чем-чем, а отсутствием нюха на возможную прибыль никогда не страдал.

Посчитав войну с Трабоном неизбежностью, Герент вложил значительную сумму в покупку муки и зерна. Во время войн цены на продукты первой необходимости всегда взлетают, а учитывая то обстоятельство, что Готом претендовал на провинцию Тосвер, основную имперскую житницу, нетрудно было предположить, какой именно товар подорожает в первую очередь. Хотя плодородных земель в Империи хватает, да и климат благодатный, позволяющий снимать два урожая в год, но людей, чтобы освоить эти земли, нет.

С Герентом у меня всегда были самые доверительные отношения, я полностью полагался на его нюх и деловую хватку, так что количество зерна и муки, лежавшее на складах, стало для меня полнейшей неожиданностью. После чего у нас и состоялся разговор, в конце которого он сказал:

– Почему-то именно так я и думал.

И ничего удивительного, Герент, мы ведь знаем друг друга не один год. Я успел убедиться в твоей порядочности и хватке, но и ты не питаешь по отношению ко мне лишних иллюзий.

В общем-то на сумму, потраченную им на приобрете-

ние запасов муки и зерна, случись такое единовременно, я непременно обратил бы внимание. Но большие деньги Герент из оборота не изымал, а на малые я попросту смотрел сквозь пальцы, зная его многочисленные проекты, к слову говоря, в подавляющем большинстве удачные. До годового отчета, когда меня ждала кошмарная неделя рытья в финансовых документах в попытке найти что-нибудь подозрительное, было далеко, так что он своим заявлением застал меня врасплох.

Конечно, Империя имела стратегический запас и муки, и зерна на случай неурожая или войны, но его бы явно не хватило, чтобы удержать рынок в спокойствии. И самым глупым в этой ситуации стала бы попытка назначить фиксированную цену, ведь никогда и никому такое действие не помогало.

В этом смысле даже неважно, как скоро закончится война и кто победит. В конце концов, Готом из провинции Тосвер мы изгоним, нисколько в этом не сомневаюсь. Как не сомневаюсь и в том, что провинция будет разорена, уж он-то постарается. Так что в любом случае ближайшего урожая нам не видать.

Вот об этом у нас с Герентом и состоялся разговор. Он получил указание постараться удержать цену продаж партий муки и зерна, имеющихся у него на складах. В принципе денег мы не теряли, но все же лишались возможности заработать их много. Да и как тут заработаешь? На любимой лица не будет от создавшейся ситуации, а я постараюсь ис-

пользовать момент.

От грустных размышлений меня отвлек голос фер Дисса:
– Они пошли.

Со своего привычного уже места на вершине холма я видел, что Готом двинул свои войска вперед. Основной удар, судя по построениям колонн, он, как и вчера, опять направил по центру обороны имперской армии. Только сейчас его штурм обещал быть куда более решительным.

Не понимаю, что дала ему вчерашняя атака. Скорее, она принесла ему только вред. Пусть она вчера и не была затяжной и сильной, но имперская армия смогла убедиться, что противник вовсе не такой уж и непобедимый. И то, что он так же, как и все остальные, может отступать и падать за-мертво от пуль, ядер или клинков. Во время сегодняшнего утреннего совещания эта мысль неоднократно озвучивалась. Как же много все-таки зависит от боевого духа солдат.

Колонны солдат Трабона медленно, но неуклонно приближались, солдаты Империи застыли в ожидании, пройдет не так много времени – и наши армии сблизятся. На моих глазах вперед опять высыпали застрельщики, именно они первыми начинают бой. В бинокль было хорошо видно, как они, припав на одно колено, выжидали, когда противник приблизится на расстояние верного выстрела.

Вот появился дым от их выстрелов. В армии Готома первые потери, падали идущие впереди. Колонны, сомкнув строй, продолжали идти дальше под барабанный бой. Бара-

банов много, и даже сюда доносится их мерный грохот. Есть в нем что-то завораживающее, в бое барабанов. По-разному звучит он для своих солдат и для вражеских. Когда враги сблизятся и бросятся в атаку, бой барабанов станет совсем уж частым, словно вторя топоту ног бегущих людей. Быть может, для этого он и нужен? Говорят, у страха глаза велики, а здесь еще и ритм подтверждает то, что увидели испуганные глаза: противника много больше, вон как гремит земля под его ногами.

Протяжный свист отвлек меня от созерцания речной долины, где с минуты на минуту должно было начаться генеральное сражение, и я повернулся на его источник. Свистел фер Дисса, совершенно позабывший в этот миг о том, что свистеть людям его происхождения и его положения в общем-то неприлично. Но я отлично понял его, сам бы засвистел, если бы не открыл рот от неожиданности. Да уж, настал и наш черед. И черт бы меня побрал со всеми потрохами, если мы не станем героями.

«А вдруг эти всадники – варды?» – промелькнула в голове надежда на чудо.

Крохотные фигурки скачком приблизились, когда я поднес бинокль к глазам.

Всадники, очень много всадников. И показались они с той стороны, откуда их меньше всего ждали.

– Вайхи, – произнес стоявший рядом со мной командующий егерями фер Энстуа, не отрываясь от окуляров.

Что варды, что вайхи – народ степной, и все же они отличаются. Фер Энстуа знаком с вайхами неплохо, так что его словам можно доверять. Да и не могут появиться здесь варды, как бы мне этого ни хотелось, слишком уж это будет похоже на чудо, случившееся в нужный момент.

– Вайхи не одни, – сказал фер Дисса. – С ними трабонская конница – тяжелые кирасиры. Не меньше двух полков, – после секундной паузы добавил он.

Фер Дисса и фер Энстуа, вскочив на коней, отправились к своим людям.

Позади, в долине, слышался грохот сражения, нараставший с каждой секундой. Но было уже не до него, теперь у нас своя задача – не допустить удара вражеской кавалерии во фланг.

Вероятно, ее подхода и ожидал король Готом, чтобы приступить к решительным действиям. А вчера была всего лишь разведка боем. Но где же была наша собственная разведка, конные разъезды, обязанные предупредить о подходе врага? Ведь передвижение такой массы войск очень сложно не заметить.

С холма было хорошо видно, как перестраиваются егеря фер Энстуа и кавалеристы Антонио, готовясь к отражению атаки. Егеря выстраивались в каре, у них дульнозарядные винтовки, пусть и с капсюльным замком. У людей фер Дисса тактика несколько другая, так ведь и оружие у них иное – кавалерийские карабины, пусть и однозарядные, но с затво-

ром. Скорострельность такого карабина – выстрелов семь в минуту, с учетом запаса в пятьдесят патронов – минут на десять боя. А дальше они будут атакованы кавалерией, и единственной защитой от нее станут пики.

В тот миг я мысленно клял себя последними словами за то, что передал в распоряжение герцога четыре из семи пулеметов, потому что три оставшихся казались против приближающейся массы всадников такой несерьезной мелочью. Плюс ко всему я приказал фер Дисса отослать половину его людей в резерв ставки.

Мысль показалось мне тогда далеко не самой глупой, потому что тысяча прекрасно для этой эпохи вооруженных и отлично обученных всадников может в нужный момент повлиять на исход битвы, а то и переломить ее.

Кто же тогда мог знать, что все обернется именно таким образом? Теперь нас осталось полторы тысячи человек против... сколько их там? Тысячи три с половиной, а то и все четыре. Двух полков тяжелых кирасир, усиленных степной конницей вайхов, для прорыва по флангу будет вполне достаточно. Вайхи кто угодно, только не трусы, да и воевать они умеют. И пусть в ставку уже послан гонец с сообщением, пусть герцог немедленно примет решение в изменившейся обстановке...

Даже если он решит послать войска нам на помощь, а не создавать новую линию обороны, воспользовавшись тем, что мы на какое-то время сумеем задержать противника, что бы-

ло бы более логично, существует вероятность того, что будет очень много погибших. И как в этом случае поступить мне? Бросить людей, которых я сюда привел? Ведь война даже в случае проигранного сражения не закончится, у меня будет время осознать все и подготовиться к следующей битве лучше.

Невдалеке, чуть ли не у подножия холма, лихорадочно передвигали пулеметы, устанавливая их на новую позицию. Она не была подготовлена на том направлении, с которого приближалась вражеская конница. Кто же мог знать, что Готом сможет зайти к нам почти в тыл. Нет, слава о короле Трабона как о великом стратеге ничуть не преувеличена.

Среди пулеметчиков мелькала широченная спина барона Сейна, бросившегося им на помощь.

«Давай, Прошка, давай, — думал я, наблюдая за всем этим. — Три пулемета — это практически все, на что у нас есть хоть какая-то надежда».

Вражеская конница приближались. Вот до нее осталось две имперские лиги — четыре земных километра. Сейчас противник пустит лошадей в галоп, и, учитывая то, что вайхи вряд ли станут вырываться вперед, а тяжелым кирасирам быстрее двадцати километров не разогнаться, остается минут десять — пятнадцать до того, как все они сблизятся с нами вплотную. И здесь станет очень жарко.

«Нет бы мне, дураку, в ставке остаться, ведь предлагал герцог, даже настаивал. Да и сейчас еще не поздно. И повод

отличный – за подкреплением».

Лицо растянула улыбка, наверное, не слишком уместная в тот момент.

Слитно грохнули все три наши пушки, установленные на опушке небольшой кленовой рощицы. Пушки отличные, скорострельность у них ничуть не меньше, чем у карабинов, и даже противооткатное устройство имеется. Но и беда все та же – низкое качество металла у стволов. Не вынесут они интенсивной стрельбы, именно потому их так мало. Отработанной технологии производства недостаточно, необходимы присадки в сталь, а где их взять, если они все еще неизвестны, и я в этом не помощник. Одна надежда на открытые мной при столичном университете факультеты металлургии и горного дела, но когда от них еще будет толк. В общем, пушек у меня всего три единицы, длительного боя из-за перегрева стволов они не выдержат, но в создавшейся ситуации мы их беречь не будем.

Орудия вновь дали залп, и в бинокль хорошо было видно, что снаряды легли в цель. Снаряды шрапнельные, и трубки установлены как раз на эту дистанцию. Когда враг подойдет вплотную – будем бить картечью.

Вайхи действительно не стали вырываться вперед, следуя по обеим сторонам от кирасир Готома. Вот все они перешли в галоп. Снова залп, и на этот раз снаряды тоже попали туда, где я и хотел бы увидеть поднятые ими столбы земли и пламени. Конница неслась уже на полном скаку, стремительно

сокращая разделявшее нас расстояние.

Все, дистанция пулеметного огня. Я взглянул на пулеметы, на людей, застывших у них и ждавших только команды. Ну что же вы, черт бы вас всех побрал! Куда уж тянуть дальше?

Словно услышав мои мысли, Прошка махнул рукой. Смотри-ка, он сам себя в командиры пулеметной роты произвел. Хотя какая же это рота, пулеметы и в полном составе до нее не дотягивали.

Первым заработал гатлинг, установленный посередине. Спустя несколько мгновений к нему присоединился еще один, и уже потом, через небольшой промежуток времени, начал стрелять последний пулемет.

Пулеметчики плавно водили блоками стволов из стороны в сторону, конструкция позволяет передвижение градусов на тридцать. Помощники (уж не знаю, как их и обозвать) плавно крутили рукоятки, приводившие стволы в движение. Все это было отработано заранее, мы добивались того, чтобы стволы у всех пулеметов крутились с одинаковой скоростью. Это важно, потому что когда замолк пулемет, что начал вести огонь первым, остальные два продолжали стрелять. Магазин второго пулемета закончился чуть позже того момента, когда первый был уже перезаряжен. То же произошло и с третьим.

Справа грянул первый залп карабинов людей фер Дисса, и сразу же слева ударили егеря. Казалось бы, пятьсот человек –

это так много. Но сейчас, когда егеря встали в пять шеренг, с высоты холма они казались пятью короткими несерьезными строчками. Снова залп справа, и чуть ли не сразу же вслед за ним пальнули егеря.

Браво, фер Энстуа! Надо же, какая выучка у его людей. Ведь они почти не уступают моим парням в скорострельности, несмотря на разницу в оружии.

Пространство перед нами затягивало дымом, черт бы его побрал, дымный порох. Если бы не легкий ветерок, тянувший от реки, так вообще бы уже ничего не было видно. А кирасиры со степняками все приближались, и казалось, ничто не сможет остановить их атаку.

По мере их приближения пулеметы заметно увеличили темп стрельбы. Ничего удивительного – система механическая: крути рукоять быстрее, и пулемет прибавит в скорострельности. Ее вообще можно довести до фантастических в этом мире тысячи выстрелов в минуту.

Но кассета, металлический короб, вмещает всего сотню патронов, и заменить опустевшую кассету на новую – это не секундное дело. Да и нет у нас огромного запаса патронов, половину уже точно успели сжечь.

Пушки били почти непрерывно, затем одна из них умолкла, и, судя по тому, что ее обслуга перешла к двум оставшимся орудиям, стрелять она уже точно больше не будет.

Замолчал один из пулеметов. Возле него лихорадочно зашевелились люди, и через несколько томительных мгновений

он снова начал стрелять. Залпами палили егеря фер Энстуа, стреляли кавалеристы Антонио, уже вразнобой, но огонь они вели плотный.

Когда до наших позиций оставалась всего пара сотен метров, враг дрогнул и начал придерживать лошадей, пытаясь их завернуть. Сзади напирали те, кто еще не видел чудовищ на высоких колесах, непрерывно извергающих несущий смерть огонь.

«Нельзя останавливаться, нельзя атаковать в сплоченном строю, — думал я, наблюдая за топтавшимся на месте врагом. — Ваше спасение заключается в том, чтобы рассеяться и проскочить оставшееся расстояние. Вас и сейчас достаточно для того, чтобы смять нас, если дело дойдет до сабель. У нас слишком мало пулеметов, чтобы охватить всю ширину фронта в том случае, если вы рассыплетесь».

И счастье было увидеть то, что они не слышали моих мыслей и не последовали им. А пулеметы продолжали бить. Бить в скучившихся всадников, в оставшихся без седоков лошадей и в людей, потерявших своих коней. И это было уже не отражение атаки, а избиение.

На взмыленном коне подскочил гонец, соскочил с него, подбежал ко мне, чтобы сообщить весть из ставки, взглянул на поле и застыл. Он стоял и смотрел, как бьют пулеметы в кучу обезумевших людей, у которых на всех была одна общая мысль: спастись, сохранить свою жизнь, и пропади оно пропадом все остальное.

«Да, брат, такой она скоро и будет, война, — думал я, глядя на гонца, ошеломленного представшим перед ним зрелищем. — Пройдет немного времени, и спрятаться от нее можно будет только в узких земляных щелях, где под ногами хлюпает жидкая грязь. Или в завшивленных и пропахших портянками блиндажах. Да и то ненадолго, совсем ненадолго».

Затем пулеметы смолкли, но еще некоторое время крутились, охлаждаясь, стволы.

Мы справились, справились благодаря тому, что должно было прийти в этот мир лет на триста позже. Но мы справились, и в бинокль было видно, что остатки вайхов повернули назад, на север, к родных степям. А оставшиеся в живых кирасиры уходили в сторону своих войск, на запад. Они уходили, даже не подобрав раненых, хотя мы давно уже не стреляли и не стали бы им мешать.

И все же бой для нас был еще не закончен. Я оглянулся в поисках человека, чтобы направить его к фер Дисса с приказом о преследовании кирасир. Все были там, внизу, так что пришлось отправить гонца герцога, который был до такой степени впечатлен увиденным зрелищем, что едва смог передать мне слова главнокомандующего о скорой подмоге. И только после этого я обратил внимание на тишину, стоявшую вокруг нас. И на грохот боя, доносившийся из долины.

Беглого взгляда в долину было достаточно, чтобы понять — солдаты Готома не смогли прорвать оборону имперских войск, и даже до пулеметов дело еще не дошло. Внизу

по-прежнему шел бой, бой яростный, с треском ружейных залпов и грохотом орудий. Очень хотелось надеяться на то, что благодаря нашим действиям и сложилась подобная ситуация, когда шансы на победу стали равны у обеих армий.

А у меня сейчас созданся самый подходящий момент для того, чтобы попытаться исполнить свой план, касающийся ставки короля Готома. Все пять стрелков из Доренса уже сидели в седлах, когда ко мне подвели Ворона. Нам много не требуется, добраться по следам убегающих кирасир вон до той возвышенности. С ее высоты дистанция позволит стрелкам дотянуться до ставки Готома. И если даже самого его убить не удастся, то число его генералов наверняка удастся сократить. Главное, не зарываться, добраться до холма, отстреляться, и сразу же назад.

Я снова припал к биноклю, чтобы еще раз убедиться в том, что в долине все нормально. «Держатся имперские полки, держатся», — скользнул я по полю сражения вооруженным биноклем взглядом. По центру, в месте основного удара сил Готома, оборона прогнулась, но герцог не вводил даже часть из резервных войск. Так что наша получасовая отлучка не должна навредить, а при определенной удаче вообще сможет повлиять на общий исход боя.

Позицию останутся удерживать егеря фер Энстуа, среди них потерь нет, у нас их вообще не оказалось, всегда бы так.

Останутся пулеметы, у которых еще треть неизрасходованного боезапаса, да и две пушки из трех по-прежнему мо-

гут стрелять. Скоро должно подойти подкрепление, обещанное герцогом. И хотя он наверняка уже знает о том, что мы успешно отразили атаку, направленную во фланг, вряд ли Ониойский станет отменять приказ. Ведь он может посчитать, что атака вкоре повторится. Но все объяснения герцогу потом, сейчас нельзя терять ни минуты. Если мне удастся сделать то, что задумано...

Путь до выбранной мной возвышенности нам успели расчистить кавалеристы фер Дисса. Доренские стрелки соскочили с лошадей, сразу же припав к земле. Дистанция до холма, на котором располагалась ставка Готома, даже для их винтовок являлась предельной, но подойти ближе нам никто не даст. У нас и так на все про все буквально несколько минут, в нашу сторону, набирая ход, уже мчались всадники из резерва, — если судить по обмундированию, это был один из полков конной гвардии Готома.

Щелкали выстрелы винтовок диверов, и стоявший рядом со мной фер Дисса только качал головой: он знал, куда направлены выстрелы, и расстояние его впечатлило. В ставке Готома метались люди, спеша покинуть ставшее вдруг смертельно опасным место. Некоторым из них уже было не до суеты этого мира. Возможно, среди них был и сам Готом, но разве сейчас разберешь, кто из них кто.

А гвардия короля приближалась все ближе. Я взглянул на Антонио, и тот тоже ответил мне взглядом: только приказы. Ведь не один я мечтал о том, чтобы его бригада встретилась с

хваленной конницей Готома в открытом бою. Сейчас и соотношение сил равное, и местность такая, что как нельзя лучше подходит для конного боя.

До войск противника, расположенных на левом фланге, достаточно далеко, чтобы они могли вмешаться. И если не увязнуть до того как к гвардии Готома подойдет подкрепление, то вполне можно и испытать наконец в работе бригаду против такого достойного противника.

Фер Дисса продолжал выжидательно смотреть на меня. Тянуть дальше некуда, необходимо отдать приказ к отходу или дать ему время перестроить своих людей перед атакой и успеть набрать встречный ход.

И я кивнул: вперед, орлы, за матушку-императрицу, и покажите супостату, что и как. Сам я с вами не пойду, и слово давал, и необходимости не вижу. В орлов столько денег вложено. Не хватало еще мне самому шпагой махать. Как-нибудь без меня обойдетесь.

Фер Дисса мгновенно преобразился. Если еще несколькими секундами раньше он выглядел чуть ли не равнодушным к тому, что происходило вокруг него, то сейчас он представлял собой олицетворение удали. Я даже на миг засомневался, тот ли человек стоит во главе бригады? Удаль удалью, но сражение обычно выигрывает холодный расчет. Но, глядя на то, как загораются вокруг графа его люди, тут же откинул эту мысль в сторону.

Две лавины сошлись на середине ржаного поля, золотив-

шегося под полуденным солнцем налившимися колосьями. Местная рожь низкорослая, меньше метра в высоту, и она почти не замедляла бег лошадей. Лавины сошлись, чтобы разбиться на множество поединков. Ржание лошадей, звон сабель, звуки выстрелов, крики раненых... Поначалу было совсем не понятно, кто же берет верх.

Гвардия Готома состоит из отборных рубак, прошедших победоносно не одну войну. Но и мои парни должны их стоить. Следующая мысль, пришедшая в голову, оказалась совсем идиотской: «Обмундирование моих людей смотрится куда лучше даже издалека».

Я даже сплюнул с досады: там люди гибнут, а я о тряпках.

Понемногу воины фер Дисса начали повсюду теснить кавалерию Готома, и, вероятно, только чувство гордости не позволило врагу обратиться в бегство. Ведь кавалеристы наверняка воспитаны на том, что «гвардия погибает, но не сдается».

Позабыв обо всем на свете, я наблюдал за раскинувшимся передо мной сражением, испытывая чувство гордости – ведь, по сути, это мои питомцы. И именно они теснят по всему фронту несгибаемых гвардейцев Готома. Посреди сабельного звона звучали револьверные выстрелы. Хотя и мало их, револьверов, на всю тысячу – сотни полторы, и только у командиров, но если применять их с умом...

Дальше, за полем, было видно, что остатки тяжелых кирасир, попавших не так давно под огонь пулеметов, остано-

ны, и среди них начали наводить порядок. Ха, я думал, что они после встречи с гатлингами до самой столицы Трабона будут драпать, пока не опомнятся.

– Ваша милость, – прервал мои мысли голос Проухва.

Проща, что с тобой? Я давно уже не то что не милость, но и не светлость, и даже не сиятельство?! Но после того как я взглянул в ту же сторону, куда и был устремлен его взор...

Да уж, тут обо всех регалиях позабудешь. Из лощины, прикрытой рощицей кипарисов, ряд за рядом выныривали всадники.

«Легкая кавалерия, – определил я. – Их слишком много. Сейчас они развернутся в боевой порядок и ударят во фланг. Надо выводить людей».

Первым долгом следовало отправить к своим доренских стрелков. У них такое оружие, что, если враг его захватит, проблем не избежать. Не так уж и сложно с ним разобраться, а потом жди выстрела с той же дистанции, с которой они недавно и палили. И этим можно создать себе столько проблем... Дьявол, ну понятно же было, что обстрелом ставки Готома мы разворошим такой улей... Нет, захотелось еще и его гвардию потрепать.

Пронзительно пропела труба, призывая кавалеристов фер Дисса к срочному отступлению.

– Давайте, парни, давайте, – молил я. – Бросайте их и уходите, просто уходите. Вы доказали уже и чужим, и своим, что вы лучше, но сейчас самое время отступить. И чего это враг

так взъерился? Неужели все-таки удалось достать Готома?

Я оглядел людей, окружавших меня. Их полусотня, и это моя личная гвардия, мой личный конвой и так далее. Все они – лучшие рубаки, все вооружены лучшим оружием, и у каждого из них есть револьвер. Но как же их мало, чтобы остановить атаку вражеской кавалерии. И остается только уйти с холма, чтобы встретиться с фер Дисса на пути его отхода.

Люди фер Дисса отступали организованно, ведь это тоже часть воинской выучки – по сигналу выйти из атаки, причем выйти правильно.

Да уж, долго себе не смогу простить, что не выдержал, отдал приказ атаковать кавалерию Готома. Сама гвардия преследовать нас не стала, но, скорее всего, это временно, сейчас они придут в себя и обязательно подключатся к преследованию, иначе им будет трудно сохранить лицо.

Но и без конницы врагов вполне хватит для того, чтобы они смогли навязать нам затяжной бой до подхода подкрепления. И частью людей придется пожертвовать, чтобы прикрыть отход. Словно подтверждая мои мысли, от основной массы отступающих отделился отряд и понесся наперерез атакующей вражеской кавалерии.

«Первый эскадрон второго полка, – сообразил я. – Только у него все лошади одной, буланой масти».

Поначалу мы хотели сделать так, чтобы полки бригады отличались мастью лошадей, но затем плюнули на это дело.

На парадах-то красиво будет смотреться, но их готовили не для торжественных мероприятий. Парни пошли на верную смерть, и им нельзя помочь, такая жертва неизбежна, чтобы сохранить жизнь остальных. И дай бог, чтобы их жертва оказалась не напрасной.

Я придерживал бег Ворона, чтобы не вырываться вперед. Предоставь ему свободу – и окажешься в гордом одиночестве впереди отступающей бригады.

Вот наконец и речушка Варент. Когда мы преследовали спасающихся бегством кирасир, то едва замочили бабки лошадиных ног. Останется подняться на пригорок – и все, свои. В этом месте река, текущая от недалеких Энейских гор, делает плавный поворот. Откуда-то оттуда, со стороны гор, они и появились, кирасиры вместе с вайхами. Надо же, почему-то считалось, что ближайший перевал – в двух неделях пути отсюда. Потому и не уделялось этому направлению большого внимания. Ан нет, оказывается, существует и еще проход.

Главное сейчас – оторваться, чтобы не привести за собой преследующую нас конницу Трабона. Иначе в мешанине своих и чужих будет трудно помочь нам даже пулеметами.

А эти-то откуда взялись? Наперерез нам снова шла конница, и мы никак не успевали ее опередить. Это не ловушка, вряд ли они могли предполагать, что все произойдет именно так. Но какая теперь разница, как это случилось? Они что там, сражение остановили, чтобы всем скопом броситься к

нам наперерез, отрезая от своих?

Ирония судьбы: отступая чуть ли не впереди всех, я оказался в числе первых, кто попал под атаку конницы Трабона. Так, в правую руку шпагу, в левую револьвер, ведь, чтобы управлять Вороном, мне хватит и ног. Выстрел, удар шпагой, выстрел, опять выстрел, теперь удар, вернее, укол и снова выстрел, и еще, и еще. Все, барабан пуст, и я сунул револьвер в кобуру, чтобы выхватить еще один.

Прошку, бившегося чуть в стороне, сильно пошатнуло в седле, и он припал к конской гриве. Черт, видимо, ему серьезно досталось, при его здоровье от пары сабельных ударов он только чихать бы начал. Я направил туда Ворона, свалив двумя выстрелами приблизившихся к Прошке кавалеристов Трабона и давая Сейну возможность выпрямиться в седле и оценить ситуацию вокруг.

Сколько же их! И откуда только они взялись? Все, влипли, к своим нам не пробиться. Но помощь близка, к нам спешат и егеря фер Энстуа, и вторая половина бригады фер Дисса, отданная герцогу и возвращенная им. Нам бы только немного продержаться.

Правая рука как будто чужая, и, если бы не гарда, я давно бы уже выронил шпагу. Еще один выстрел в близкое лицо, украшенное усами, и все, второй револьвер тоже пуст, а вокруг только всадники Трабона.

Но почему я до сих пор жив? Да они наверняка знают, кто я, иначе давно бы уже достали пикой. Они этого не делают,

вероятно пытаюсь захватить меня в плен.

Черта с два вам всем, живым не дамся. И я впервые за все то время, что у меня был Ворон, изо всех сил вонзил шпоры в его бока. Ворон – могучий конь, и он сможет вынести меня из окружения. Когда я уже было поверил, что мне это удалось, что я уже вырвался, небо внезапно поменялось местами с землей.

Глава 6

Венценосный брат

– Присаживайтесь, господин де Койн, присаживайтесь. Должен заметить, что выглядите вы далеко не самым лучшим образом.

Голос короля Готома звучал так, как ему в общем-то и положено было звучать: без всякой иронии, с сочувствием и должной долей радушия.

Я послушно сел в предложенное мне кресло. Голова буквально раскалывалась на части, и было отчего. Я не помнил, каким образом низвергся с коня, то ли в результате скачка Ворона, что сомнительно, то ли от удара по голове, что более вероятно, но в любом случае голове досталось здорово. К затылку страшно было даже прикоснуться. Еще меня мутило, и я с трудом мог сосредоточить взгляд на каком-либо предмете. А ведь после удара прошла уже целая ночь.

На своем портрете, висящем в одной из зал императорского дворца в Дрондере, король Готом смотрелся значительно более представительным. И ростом выше, и фигурой стройнее, и нос там выглядел каким-то хищным, орлиным, в отличие от того рубильника, которым Готома на самом деле наградила природа. Единственное, что художнику удалось изобразить правдиво, так это взгляд. Взгляд человека, при-

выкшего принимать тяжелые решения в судьбоносные моменты. Ну а каким он еще должен быть у человека, четырнадцать лет назад вступившего на трон захудалого нищего королевства и вознесшего его до нынешних высот? Словом, не впечатлял Готом ничем, кроме своего взгляда.

Мы находились в королевском шатре.

«Аскет, определенно король Трабона – воинствующий аскет», – думал я, оглядывая внутреннее убранство шатра. Ничего лишнего: походная складная кровать под серым шерстяным одеялом, так и хотелось назвать его солдатским, полуприкрытая ширмой. Стол, за которым мы расположились в походных креслах, заставлен не самой дорогой посудой. Еще один стол, но значительно больший в размерах, где на столешнице лежит огромная карта с воткнутыми в нее цветными флажками. Вот, пожалуй, и все.

Хотя нет, еще сундук, с виду кажущийся неподъемным, и ковер. Огромный ворсистый ковер, брошенный прямо на землю, выглядел дорогой, но безнадежно испорченной вещью. При всем этом шатер гигантский, стоявший посередине столб, поддерживающий купол, в высоту не менее семи-восьми метров. При таких внутренних размерах те немногие вещи, находившиеся в шатре, выглядели сиротливо, если не убого.

Я вертел головой по сторонам, совершенно не стараясь скрыть от Готомы этого факта. Плевать на манеры и правила приличия, я – военнопленный, и разговор, несмотря на

внешнее радушие трабонского короля, по всей видимости, предстоит нам очень и очень тяжелый. Нет, я не рассматривал его шатер в поисках подходящего предмета для того, чтобы захватить Готома, сделав его заложником, после чего начать диктовать свои условия. Тем более в шатре мы находились не одни, я не в самой лучшей своей форме, да и голова продолжала раскалываться на части.

– Как поживает моя венценосная сестра, ее величество Янианна, господин де Койн? Вы ведь не так давно прибыли из Дрондера. Всегда мечтал там побывать. Поговаривают, что столица Трабона Маронг в сравнении с Дрондером выглядит большой деревней.

Голос Готома звучал по-прежнему светски. На общеимперском он говорил чисто, как выходец из юго-западной части Империи, откуда я и сам когда-то прибыл в Дрондер. Да и не слишком-то они и различаются, языки Трабона и Империи, скорее это даже диалекты, чем языки.

Надо же, Готом знает, что я очень не люблю, когда меня называют «вашим величеством». Хотя чего удивительного, наверняка он знает значительно больше, чем мне того хотелось бы. Ну какое из меня «ваше величество», так, муж императрицы, как бы не было стыдно признавать этот факт. Еще перед нашей свадьбой мне ясно дали понять, что занять трон в случае смерти императрицы мне не удастся. Дети – да, дети его унаследуют. Разговор шел в очень тактичных выражениях, но сам факт был подан как непреложный и обосуж-

дению не подлежащий.

Сейчас я сидел и думал: «Ну почему все вы не можете понять — мне совершенно не нужен ваш четырежды проклятый трон, абсолютно не нужен. Мне нужна эта женщина, женщина, при одной мысли о которой я начинаю чувствовать себя так, что это невозможно описать никакими словами. Нет еще таких слов, никто их не придумал, ни в моем мире, ни в этом. И все, что я хочу, так это видеть ее рядом с собой, прикасаться к ней и вдыхать аромат ее тела. Аромат тела моей женщины».

Однажды, уже после свадьбы, был у нас с Янианной этот разговор о престолонаследии. Не помню, с чего он начался, но вскоре речь зашла и об этом. Яна рассказала, что знатные роды, ее поддерживающие, тоже выдвинули это условие. Тогда я в шутку заявил ей, что жена мне досталась бесприданница.

Вероятно, улыбка, появившаяся на моем лице при этих воспоминаниях, никак не вязалась с моим теперешним положением, потому что выражение лица Готом резко изменилось. Теперь его взгляд напоминал взгляд ядовитой змеи, приготовившейся к броску. Не знаю, почему я подумал именно так, ведь никогда раньше никакие гадюки с кобрами на меня не бросались.

Готом встал, взял лежавший перед ним на столе револьвер и несколько раз нажал на спуск. Револьвер был моим собственным, еще бы я его не узнал. Вон, на рукояти мой

герб, вставшая на дыбы черная лошадка – слишком уж много внимания уделяют в эти времена всяким подобным мелочам. Конечно, выстрелов не прозвучало, оставайся в револьвере патроны, вряд ли бы я сейчас разговаривал с ним, думаю, мне все же удалось бы вырваться. А запас патронов находится в седельной сумке Ворона. Его они поймать не сумели, не дался Ворон, я сам слышал разговор, когда меня вели в королевский шатер.

Ан нет, там же, на столе, затерявшись в тени серебряной вазы с фруктами, стояли на донышке несколько патронов. Очевидно, трофейные, не у одного меня был револьвер, а калибр у них у всех идентичен.

«Предложить Готому сыграть в рулетку? – мелькнула в голове мысль. – А что, кто проиграл – тот и проиграл, все по-честному. Да только вряд ли он согласится».

Король Трабона меж тем щелкнул еще пару раз револьвером, после чего довольно небрежно швырнул его на стол. Я даже поморщился: «Ведь ты солдат, Готом, нельзя же так с оружием обращаться, даже королям нельзя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.